

I.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ПРУССКАГО ГЕНЕРАЛА-ОТЪ-ИНФАНТЕРІИ БРАНДТА

0

ПОХОДЪ НАПОЛЕОНА ВЪ РОССІЮ ВЪ 1812 ГОДУ.

Умершій въ 1868 году, въ преклонныхъ лѣтахъ, прусскій генералъ Брандтъ оставилъ послѣ себя богатый запасъ дневниковъ и записокъ, веденныхъ имъ непрерывно въ продолженіе всей жизни, боевой и мирной, начиная съ 1807 года. Весь этотъ матеріалъ онъ завѣщалъ привести въ порядокъ и издать въ свѣтъ сыну своему, артилеріи маіору, состоящему при генеральномъ штабѣ.

Покойному генералу Брандту суждено было начать свое военное поприще двумя кампаніями, которыя, по своему многозначительному значенію, по своимъ громаднымъ размѣрамъ и по своимъ особеннымъ свойствамъ, навсегда будутъ служить предметомъ серьезнаго изученія и возбуждать удивленіе потомства. Разумѣемъ войну Наполеона на Пиренейскомъ Полуостровѣ и походъ его въ Россію — два событія, которыя, слѣдуя непосредственно одно за другимъ, хотя и представляли рѣзкіе между собою контрасты, но имѣли одинаковыя послѣдствія: обѣ войны были поворотною точкою въ военной фортунѣ Наполеона. Какъ въ Испаніи, такъ и въ Россіи, Наполеонъ впервые встрѣтилъ, послѣ легкихъ успѣховъ въ Германіи; въ Австріи и въ Италіи, истинно-національное сопротивленіе, которое могло своихъ побѣдныхъ торжествъ. Нельзя, поэтому, не назвать счастливою мысль

издателя, соединить въ одномъ томѣ дневники или походныя замѣтки своего отца, относящіяся къ войнамъ испанской и русской.

По свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ покойнаго генерала Брандта, онъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, обладалъ чрезвычайно свѣжею памятью, помнилъ самыя отдаленныя событія своей боевой дѣятельности, и до послѣднихъ дней жизни не только слѣдилъ внимательно за всѣми явленіями военной литературы, относившимися къ кампаніямъ Наполеона въ Испаніи и въ Россіи, но строго изучалъ ихъ, сравнивалъ между собою. Говорятъ, будто Брандту было извѣстно *все*, напечатанное на европейскихъ языкахъ о войнѣ 1812 года. Подлинныя походныя записки его сопровождаются, дѣйствительно, примѣчаніями, доказывающими его начитанность.

Походъ Наполеона въ Россію былъ описываемъ столько разъ и съ такими подробностями, что, повидимому, нельзя было бы ничего прибавить новаго или неизвѣстнаго къ прежнимъ описаніямъ. И мы, конечно, не рѣшились бы знакомить нашихъ читателей съ записками генерала Брандта, если бы онѣ были только повтореніемъ давно высказаннаго. Но Брандтъ, неволью понавшій подъ знамена Наполеона и неимѣвшій причинъ скрывать истину, преимущественно о томъ, что совершалось за кулисами «великой арміи», тѣмъ самымъ и отличается отъ громаднаго большинства французскихъ историковъ и по тому самому сообщаетъ такіе факты, какихъ никогда не рѣшались объявлять во всеуслышаніе эти историки, изъ-за національной гордости. Напримѣръ, если вѣрить на-слово французскимъ историкамъ, то вступленіе Наполеона въ предѣлы Россіи было не болѣе и не менѣе какъ блистательнымъ, триумфальнымъ шествіемъ побѣдоносной арміи, заранѣе увѣренной въ торжество надъ русскими. Напротивъ того, изъ разсказа Брандта видно, что, при самомъ началѣ похода, надъ закаленными въ бояхъ дружинами завоевателя тяготѣло мрачное предчувствіе неудачи колоссальнаго предпріятія, что уже тогда многіе видѣли помраченіе счастливой звѣзды Наполеона, и что французская армія уже не была тѣмъ, чѣмъ она являлась въ прежнихъ своихъ кампаніяхъ. Брандтъ описываетъ только то, чему самъ былъ свидѣтелемъ, или въ чемъ самъ игралъ роль дѣйствующаго лица. На это указываетъ и эпиграфъ, выбранный имъ изъ Лафонтена:

Je dirai: j'étais là,
Telle chose m'advint.

Въ мемуарахъ Брандта встрѣчается не мало тактическихъ замѣтокъ и разнаго рода совѣтовъ, основанныхъ на долговременной боевой опытности.

О первыхъ годахъ своей жизни Брандтъ говоритъ коротко.

Онъ родился въ 1789 году, въ Лани, небольшомъ селеніи, бывшей западно-прусской области, получилъ первоначальное образованіе въ родительскомъ домѣ, учился потомъ въ кенигсбергскомъ лицѣѣ, поступилъ въ 1805 году, имѣя шестнадцать лѣтъ отъ роду, въ кенигсбергскій университетъ, по юридическому факультету, а въ 1806 году опредѣлился, на правахъ волонтера, прапорщикомъ во второй западно-прусскій, такъ называемый, временной (provisorische) баталіонъ. Вслѣдствіе включенія западно-прусской провинціи въ составъ вновь-учрежденнаго великаго герцогства Варшавскаго, молодой Брандтъ нашелся вынужденнымъ, по заключеніи тильзитскаго мира, выйти въ отставку; но когда началось преобразованіе прусской арміи, онъ лично просилъ Блюхера и Шилля (*) опять опредѣлить его въ службу. Старанія его остались, однако, безплодными. Въ апрѣлѣ 1808 года, по распоряженію французскаго правительства, онъ, совершенно неожиданно, былъ опредѣленъ подпоручикомъ въ «вислянскій легіонъ», выступилъ, съ транспортомъ рекрутовъ, изъ Варшавы въ Седанъ, главное депо легіона, а отсюда былъ отправленъ, съ резервными людьми, въ Испанію. Въ исходѣ ноября 1808 года, состоя во 2-мъ полку вислянскаго легіона, Брандтъ уже участвовалъ въ сраженіи при Туделѣ, гдѣ 28,000 французовъ и поляковъ разбили 40,000 испанцевъ, и затѣмъ въ достопамятной второй осадѣ Сарагосы, которая въ дневникѣ его описана со всѣми ея поразительными подробностями. Вообще, вся кровавая и ожесточенная испанская война изображена въ мемуарахъ Брандта чрезвычайно рельефно, особенно тѣ многочисленныя сраженія и дѣла (около ста), въ которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ продолженіе своего трехлѣтняго пребыванія въ Испаніи. Въ доказательство того, какія ужасныя потери несли французы въ борьбѣ съ испанцами, авторъ указываетъ на роту, которою онъ командовалъ: въ теченіе трехъ лѣтъ, эта рота три раза была укомплектовываема вполне и, при выступленіи ея изъ Испаніи, не нашлось въ ней ни одного офицера и ни одного солдата, который не былъ бы раненъ по нѣскольку разъ, и притомъ, большею частію, тяжело.

Вислянскій легіонъ былъ вызванъ изъ Испаніи во Францію съ

(*) Извѣстный предводитель сформированнаго имъ отряда волонтеровъ, съ которыми онъ мужественно оборонялъ Кольбергъ. Послѣ тильзитскаго мира Шилль былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гусарскаго полка, въ главѣ котораго и роты стрѣлковъ-волонтеровъ выступилъ въ 1809 году, когда Австрія вооружилась вновь, противъ французовъ, но, не будучи ничѣмъ поддержанъ, палъ 31-го мая, сражаясь, въ улицахъ Стральзунда.

тѣмъ, чтобы двинуть его къ границамъ Россіи. 22-го марта (нов. ст.) 1812 года Наполеонъ назначилъ этому легиону смотръ въ Парижѣ, вмѣстѣ съ другими войсками. Отсюда мы и начнемъ извлеченія изъ разсказа генерала Брандта, прибавляя, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, то, что казалось намъ нужнымъ для объясненія нѣкоторыхъ событій.

Т.

I.

Смотръ 22-го марта 1812 года въ Парижѣ.—Маршъ чрезъ Францію въ Седанъ.—Формированіе третьихъ баталіоновъ.—Походъ чрезъ Германію и Пруссію.—Пріездъ Наполеона въ Познань.—Сужденія о немъ поляковъ.—Состояніе „великой арміи“ при сосредоточеніи.—Прибытіе къ Нѣману.

22-го марта (новаго стиля) 1812 года, въ половинѣ одиннадцатаго часа утра, получили мы приказаніе идти къ Тюльери и построиться на Барусельной площади. Когда, чрезъ улицу Сентъ-Оноре, мы достигли мѣста, намъ назначеннаго, площадь уже была наполнена войсками. Императоръ былъ занятъ осмотромъ; тишина нарушалась только, по временамъ, восклицаніями *vive l'Empereur!* Вѣтвь отъ насъ построились гренадеры старой гвардіи. Былъ ясный мартовскій день; солнце пригрѣвало; многія дамы и кавалеры смотрѣли съ дворцоваго балкона на парадъ, и гвардейскіе офицеры указывали намъ на императрицу, на герцогиню Монтебелло и на другихъ дамъ, красоту которыхъ они восхваляли. Изъ числа кавалеровъ, находившихся на балконѣ, мы обратили особенное вниманіе на господина, котораго намъ назвали русскимъ посланникомъ. Онъ разговаривалъ съ дамами и, повидимому, вовсе не думалъ о парадѣ (*).

Простояли мы около часу, когда послышалась команда «смирно!» Въ то же время, императоръ, сопровождаемый Бертъе, генералами Хлопицкимъ и Брасинскимъ, нѣсколькими другими генералами и тремя или четырьмя адъютантами, направился къ правому флангу нашей дивизіи. Взглянувъ на ея построеніе и спросивъ о чемъ-то, онъ отозвался генералу Хлопицкому съ большою похвалою о дѣйствіяхъ войскъ (въ Испаніи) и приказалъ ему составить списокъ тѣхъ отличившихся, которые еще не получили Почетнаго Легиона.

Спустя полчаса, Наполеонъ явился предъ нашимъ баталіономъ, не вымолвивъ ни одного слова, прошелъ по фронту гренадерской роты, потомъ вступилъ въ интервалы третьей и четвертой ротъ,

(*) Посланникомъ нашимъ въ Парижъ былъ тогда князь А. В. Куранинъ.

остановились на правомъ флангѣ четвертой и скороговоркой спросилъ ротнаго командира, капитана Разовскаго, въ какой части Польши онъ родился и сколько лѣтъ служить. Старый капитанъ оторопѣлъ до того, что собрался отвѣтить на первый вопросъ только тогда, когда императоръ уже ушелъ далѣе.... Остановившись затѣмъ передъ ротою, на флангѣ которой я находился, и вида, по моимъ эполетамъ, что я еще не капитанъ, спросилъ: «гдѣ же ротный командиръ?» Полковникъ отвѣчалъ, что онъ лежитъ больной въ Версали (что было несправедливо). Тогда императоръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Combien as-tu des blessures?» («Сколько у тебя ранъ?»), и на отвѣтъ мой: «Двѣ и нѣсколько контузій», замѣтилъ: «Eh bien, tu es jeune encore, tu seras capitaine plus tard». («Ну, ты еще молодъ, успеешь быть капитаномъ»). Проходя по фронту роты, онъ отломилъ кусочекъ хлѣба, лежавшаго у одного солдата на ранцѣ, потеръ хлѣбъ между пальцами, понюхалъ, проговорилъ «pas mal» (недурно!) и вдругъ остановился опять: вниманіе его обратилъ на себя толстощекий, коренастый вольтижеръ во второй шеренгѣ. «Спросите его, гдѣ онъ такъ растолстѣлъ!» сказалъ императоръ генералу Красинскому, указывая пальцемъ на солдата. Красинскій перевелъ вопросъ по-польски: «гдѣ ты такъ отъѣлся?», и получилъ въ отвѣтъ: «здѣсь, во Франціи....»

При дальнѣйшемъ смотрѣ, императоръ вызывалъ по-одиночкѣ изъ многихъ ротъ солдатъ, осматривалъ ихъ снаряженіе, обмундированіе, приказывалъ открывать патронныя сумки, и, обратясь къ полковому командиру, сказалъ: «Незамѣтно, что полкъ сдѣлалъ такую трудную кампанію.... Я доволенъ его снаряженіемъ, обмундированіемъ и выправкою.... объявите это по полку». Послѣ осмотра, мы проходили мимо императора, какъ и всѣ прочія войска.

Въ этотъ же день мы узнали, что императоръ пожаловалъ каждому полку вислянскаго легіона по шести орденскихъ знаковъ и по 25 арендъ (dotations), отъ 500 до 3,000 франковъ каждая. Оберъ-офицерскія аренды или маіораты давали владѣльцу титулъ «chevalier de l'Empire», а штабъ-офицерскіе баронскій (baron de l'Empire). Нѣкоторые изъ офицеровъ, получившіе аренды на Рейнѣ (octroi de Rhin), тотчасъ же продали свои права на нихъ; тѣ же, которыхъ маіораты находились у Альбуфера (Lago de Albufera), остались ни при чемъ, т. е. съ однимъ титуломъ «chevalier».

Въ самый день смотра всѣ офицеры были приглашены къ императорскому обѣду, въ зданіи военнаго училища. Обѣдъ былъ назначенъ въ пять часовъ, подъ предсѣдательствомъ маршала Бесьера;

солдаты же угощали гвардейскіе полки. Офицеровъ собралось, навѣрное, отъ пяти до шести тысячъ; но такъ какъ во время стола игралъ оркестръ, въ которомъ преобладали турецкіе барабаны, то бесѣда оказывалась возможною лишь въ немногія минуты отдыха музыкантовъ. Впрочемъ, французы, по свойственной имъ живости, не обращали вниманія на шумъ музыки и старались перекричать ее. За столомъ прислуживали солдаты; посуда была не изъ отличныхъ, но кушанье и вино (красное и бѣлое, потомъ шампанское) хорошаго качества. Кто-то говорилъ сличь, послѣ котораго раздалось оглушительное «vive l'Empereur!», подхваченное оркестромъ. Отъ страшнаго шума, стѣны, казалось, готовы были рушиться.

На другой день, 23-го марта, насъ смотрѣлъ маршалъ Мармонъ; но этотъ смотръ былъ исключительно по хозяйственной части и непродолжительный. Слѣдующіе три дня отдыха употребили мы на прогулки по Парижу, на посѣщеніе его театровъ, кофеенъ и нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ учрежденій, и предпринимали поѣздку въ Венсенъ нарочно для того, чтобы видѣть мѣсто, гдѣ былъ разстрѣлянъ герцогъ Ангенскій (*). На вопросъ объ этомъ мѣстѣ, старый консьержъ, отставной артиллеристъ, отвѣчалъ намъ лаконически и довольно грубо: «Messieurs, on vient ordinairement ici pour voir l'arsenal et nos établissements militaires et je suis prêt à vous y conduire». («Господа, обыкновенно сюда пріѣзжаютъ осматривать арсеналъ и наши военныя учрежденія, и я готовъ проводить васъ туда»). Мы поняли намекъ, обнаружили горячее желаніе видѣть поучительные предметы, но скоро вернулись. У подъемнаго моста встрѣтила насъ немолодая уже женщина, вызвавшаяся показать намъ «curiosités pas essentiellement militaires» (рѣдкости не собственно военныя); мы приняли ея предложеніе съ благодарностію и дорогой узнали, что наша путеводительница не кто иная, какъ «madame la concierge». Когда она показывала намъ комнаты, гдѣ сидѣлъ тотъ или другой арестантъ, и пустилась въ рассказы, я спросилъ, не здѣсь ли былъ разстрѣлянъ герцогъ Ангенскій. Она тотчасъ же отвѣчала: «Si fait, monsieur, et si vous voulez voir l'endroit, ou le sort du jeune homme s'est accompli, je vous y conduirais». («Такъ точно, и если вамъ угодно взглянуть на мѣсто, гдѣ рѣшилась судьба молодого человѣка, то я провожу васъ

(*) Такъ сильно было еще, и по прошествіи восьми лѣтъ, впечатлѣніе, произведенное на современниковъ кровавою драмою, разыгравшеюся во рвахъ Венсена; такъ глубоко поразило всѣхъ честныхъ людей убійствѣ потомка знаменитаго Конде, по приказанію перваго кошула.

туда»). Мы прошли черезъ дворъ, спустились по нѣсколькимъ ступенкамъ и очутились во рву замка. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, наша вожатая остановилась и сказала: «L'on dit, messieurs, que c'est ici où la mort l'a frappé. Mes parents au moins m'ont dit, que c'est ici; d'autres prѣsument que c'était un peu plus loін, mais je suis sũre de mon assertion, j'y conduis bien du monde; et au reste c'est bien égal où le pauvre prince resta mort», («Говорятъ, что онъ палъ вотъ здѣсь. По крайней мѣрѣ, мои родители утверждали такъ; другіе же полагаютъ, что это случилось не много подальше; но я увѣрена въ моемъ показаніи: я вожу туда много народа; а впрочемъ все равно, гдѣ бы ни палъ бѣдный принцъ»). Щедро вознаградивъ madame la concierge, мы подивились хитрости стараго усача, взявшаго съ насъ двойную подать.

26-го марта мы выступили, наконецъ, изъ Парижа. Впечатлѣніе, произведенное столицей Франціи на нашихъ польскихъ солдатъ, было весьма различнаго свойства. Нѣкоторые выражали мнѣніе, что городъ такой же какъ и Варшава, только больше; другіе ставили Краковъ выше по правильности его построекъ; многіе вовсе не оставляли своихъ квартиръ и видѣли Парижъ лишь во время смотра императора. Даже наиболѣе развитые солдаты принимали вандомскую волону за изображеніе святаго, но недоумѣвали какой именно святой поставленъ на ней. Когда я сказала людямъ, что это императоръ Наполеонъ, они едва повѣрили мнѣ, потому что никакъ не могли узнать въ императорской одеждѣ того, кого обыкновенно видѣли въ сѣромъ сюртукѣ и въ маленькой трехугольной шляпѣ... И офицеры вслянскаго легіона вынесли съ собою, изъ столицы Франціи, далеко неодинаковыя впечатлѣнія. Большинство было недовольно. Всѣ мечтали о производствахъ, о наградахъ, объ орденахъ, объ арендахъ. Послѣднія хотя и были розданы щедрою рукою, однако достались двадцать пятому или тридцатому человѣку, что, конечно, оставило неудовлетворенными еще многія желанія. Чѣмъ скупѣе офицеры и солдаты награждались орденами въ Испаніи, тѣмъ болѣе надѣялись они на этого рода награды здѣсь. Въ ротѣ, которую я командовалъ съ 1809 года, не было ни одного неравнаго солдата, а многіе были покрыты нѣсколькими почетными ранами, и однакожь во всей этой дружинѣ храбрыхъ были только два кавалера: одинъ офицеръ и одинъ сержантъ. Уже впоследствии, король Саксонскій, въ качествѣ великаго герцога Варшавскаго, пожаловалъ полку порядочное число польскихъ орденовъ, но все же это не вознаграждало за трудную испанскую кампанію, въ которой польскіе солдаты содѣйствовали достиженію важныхъ

результатовъ и за которую командовавшій вислянскимъ легиономъ генералъ былъ награжденъ высшими военными отличіями. «Стояло ли труда прожить четыре года въ картечной атмосферѣ», сказалъ мнѣ одинъ добрый товарищъ. Подобные отзывы повторялись вездѣ. Прежде я ничего подобнаго не слышалъ, и готовъ приписать это знакомству поляковъ, на смотру, съ гвардіей, гдѣ почти всѣ солдаты имѣли кресты или медали.

4-го апрѣля прибыли мы въ Седанъ, гдѣ находилось главное депо легиона со времени его прихода во Францію. На этапныхъ дорогахъ господствовалъ образцовый порядокъ. Такъ какъ для всѣхъ войскъ—за исключеніемъ тѣхъ офицеровъ и рядовыхъ, которые шли отдѣльно—маршруты были заготовлены военнымъ министерствомъ и на этапныхъ пунктахъ находились комиссары, поставщики и подрядчики, то мы повсюду и все находили въ готовности. Военное министерство знало ежечасно, гдѣ и сколько войскъ расположено или сколько ихъ движется по той или по другой дорогѣ.

5-го апрѣля намъ дѣлалъ смотръ генералъ графъ Клапаредъ, который, по слухамъ, назначался нашимъ дивизионнымъ генераломъ на предстоящую кампанію. Говорили также, что и 4-й полкъ легиона, стоявшій на португальской границѣ, былъ на маршѣ, и что, по прибытіи его, насъ присоединять къ гвардіи. Генералъ Клапаредъ, красивый мужчина, отличался всѣми характеристическими чертами французскаго генерала: былъ отваженъ, запальчивъ и грубъ. Въ кампанію 1809 года онъ заслужилъ извѣстность, которой, однако, многіе не признавали, особенно, въ наше время, генералъ Бертевенъ, въ своихъ «Souvenirs militaires».—При смотрѣ нашего полка Клапаредъ не обнаружилъ особеннаго такта, а еще менѣе сдержанности, напустился на нѣсколькихъ офицеровъ изъ-за бездѣлицъ, и результатомъ смотра осталось неудовольствіе на нашей и на его сторонѣ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые офицеры были довольны неремѣною начальника дивизіи, особенно тѣ, которые боялись чрезмѣрной рѣзкости и энергической строгости генерала Хловицкаго. Мой достопочтенный командиръ былъ, конечно, не всегда любезенъ и подчасъ поддавался порывамъ гнѣва; но онъ обладалъ такими прекрасными качествами, которые привлекали къ нему всякое истинно-солдатское сердце. Неполученіе дивизіи должно было оскорбить Хловицкаго тѣмъ глубже, что онъ имѣлъ на этотъ постъ право своею долговременною и отличною боевою службою. Старослуживые солдаты были также огорчены неудачею генерала. «Все французы, да французы, какъ будто на свѣтѣ только и есть что французы», говорилъ одинъ. «Наполеонъ», замѣчали другіе, «хо-

четь наглядно показать развѣдичнейность бывшей польской республики, разрывая польскую армию на клочки и отдавая ее французамъ». Словомъ, возникло политическое неудовольствіе, все болѣе и болѣе возраставшее, благодаря несносной грубости генерала Клапареда. Старшій адъютантъ Реховичъ, человекъ образованный и тонкій наблюдатель, сказалъ: «Celui-là me paraît un mauvais camarade; nous le trouverons toujours en quête de sa proie, *quacrens quem devoret*» («Кажется, онъ будетъ плохимъ товарищемъ и вѣчно станетъ гоняться за своею добычею, искать кого бы проглотить».) Это предсказаніе оправдалось въ кампанію 1812 года.

Изъ всѣхъ носившихся тогда въ нашей средѣ слуховъ, оправдалось только формированіе третьяго баталіона, и я былъ назначенъ командиромъ роты вольтижеровъ. Генералъ Клапаредъ сдѣлалъ самый подробный смотръ кадрамъ, и, при этомъ случаѣ, у меня произошло съ нимъ столкновеніе. Между кадровыми офицерами я одинъ имѣлъ два ордена. Подойдя ко мнѣ, генералъ сказалъ: «Tiens, ce jeune homme est donc un sçave, qui...» («Ого! этотъ молодой человекъ, значить, лихой...») Но прежде чѣмъ онъ кончилъ, я возразилъ: «Ce jeune homme, mon général, a eu le bonheur de pouvoir remplir ses devoirs sous les yeux même de Mr. le Maréchal Suchet et de son général Chłopicki, qui l'ont proposé pour les décorations qu'il porte». («Этотъ молодой человекъ, генералъ, имѣлъ счастье исполнять свои обязанности на глазахъ маршала Сюше и своего непосредственнаго начальника, генерала Хлопицкаго, которые и представили его къ знакамъ отличія, имъ носимымъ».) Выраженіе «jeune homme» давало мнѣ полное право на такой отвѣтъ. Въ то время, слова «jeune homme» всегда влекли за собою дуэль между равными; сказанныя же начальникомъ подчиненному молодымъ лѣтъ, она служили признакомъ неуваженія. «Ne vous échauffez pas, monsieur l'officier!» («Не горячитесь, господинъ офицеръ!») возразилъ генералъ, конечно почувствовавшій свою виноватость. Товарищи мои радовались, что я далъ отпоръ грубіяну, и даже полковой командиръ, казалось, вполне одобрялъ меня: на другой день, передъ выступленіемъ въ походъ кадровъ третьяго баталіона (собственно полки остались еще на нѣсколько дней въ Седанѣ), онъ подалъ мнѣ руку и пожалъ ее съ видимымъ удовольствіемъ.

22-го апрѣля мы достигли Майнца. Городъ представлялъ картину большой главной квартиры. Войска всякаго рода, всякихъ національностей, пѣхота, кавалерія, артилерія, обозы, тѣснились, денно и ночью, на мосту. Въ особенности повозкамъ и экипажамъ не было,

повидному, конца. 23-го перешли мы Рейнъ и вступили во Франкфуртъ, гдѣ очутились какъ бы въ французскомъ городѣ: повсюду французскіе солдаты, французскій языкъ, французскій бытъ. Кажется, только въ семейныхъ кружкахъ и говорили по-нѣмцки. Въ Ганау мы получили приказаніе продолжать походъ на водводахъ до Познани, куда, по маршруту, должны были пріѣхать 5-го мая. Намъ было предписано дѣлать ежедневно отъ двухъ до трехъ этановъ, что, при тогдашнемъ состояніи дорогъ, было не бездѣлицей. Мощенныя булыжникомъ дороги, грозившія сломать шею и ноги и угощавшія такими толчками, что мы спускались съ телегъ и шли пѣшкомъ, были проложены только чрезъ города и селенія, да по мѣстностямъ, которыя иначе оказались бы непроѣздными; почти всѣ остальные дороги были изъ глины, песку и щебня. Берега Эльбы, Шпрее, Одера, по сравненію съ берегами Жиронды, Дордоньи и Лоары, не представляли ровно ничего привлекательнаго; небо, часто моддернутое свинцовыми облаками, являло поразительный контрастъ съ вѣчно-яснымъ, синимъ небомъ Испаніи; вмѣсто пальмъ, привѣтствовавшихъ насъ на веселыхъ равнинахъ Валенсіи, здѣсь угрюмо смотрѣли на насъ высокія сосны; живую изгородь составляли уже не огромныя, толстыя и сочные кактусы, а низенькіе, тощіе кусты; вмѣсто мирты, лавра и лимоннаго дерева, сады земледѣльца были наполнены сиренью и плохими слявными деревьями... А вѣдь мы находились еще въ Германіи, гдѣ по дорогамъ танулись цвѣтушія селенія и благоустроенные города. Скоро и все это должно было измѣниться.

На половинѣ дороги, между Цюлихау и Унруштадтомъ, достигли мы границы тогдашняго герцогства Варшавскаго, гдѣ насъ встрѣтилъ начальникъ этапа, польскій капитанъ. Старшій офицеръ, командовавшій отрядомъ, остановился у пограничнаго столба, построилъ войска и провозгласилъ, въ честь отечества, троекратное ура, которое, однако, звучало не очень-то весело: причиною были неутѣшительныя вѣсти, сообщенныя намъ, по дорогѣ, польскими крестьянами. Послѣ привѣтствія бѣлому орлу, солдаты составили ружья въ возы, но, по случайности или по злобному умыслу, орелъ на пограничномъ столбѣ оказался съ однимъ крыломъ. — «Бѣдный орелъ» — замѣтилъ одинъ солдатъ — «ты уже теперь исколѣченъ!... Недобрый знакъ!» — Другой прибавилъ: «Съ тобой, бѣлый орелъ, случилось то же, что и со многими изъ насъ: ты сталъ инвалидомъ». Третій обратился къ орлу съ торжественною рѣчью: «Посмотри, мы шатались по бѣлому свѣту, храбро дрались за тебя: такъ позаботься объ насъ, распорядись, чтобы было вдоволь вина и водки, и подавай намъ

къ каждому блюду капусты добрый кусокъ сочнаго жаркаго». Это воззваніе, произнесенное съ комическимъ пафосомъ и съ уморительными ужимками, развеселило солдатъ. Мы перешли границу съ барабаннымъ боемъ.

5-го мая добрались мы до Познани. Впечатлѣнія, пріобрѣтенныя нами на маршѣ, были не изъ радостныхъ. Повсюду встрѣчали мы несчастіе и бѣдность; торговля и промышленность не существовали; земледѣліе находилось въ жалкомъ положеніи; цѣны на хлѣбъ упали чрезвычайно низко; всѣ остатки жатвы шли не на рынки, а въ военные магазины. О скотоводствѣ, нѣкогда столь значительномъ, не было почти и рѣчи. Словомъ, вездѣ господствовали нужда, неудовольствіе, желаніе лучшаго. Замѣчательно, что люди старые и молодые, хотя и хвалили добрыя прусскія времена, однако никто не желалъ ихъ возврата. Обыватели отвыкли отъ невѣроятно-громойной бюрократической переписки и отписки пруссаковъ, хвалили ласковость чиновниковъ, были довольны скорымъ рѣшеніемъ дѣлъ. Никто не ставилъ въ вину правительству тяжелыхъ временъ: все сваливали на обстоятельства. Впослѣдствіи я часто ломалъ себѣ голову, откуда могли возникнуть подобныя сужденія, и окончателно убѣдился, что источникомъ ихъ были: вѣчная опека, тяготѣвшая надъ жителями, какая-то неистовая страсть прусскаго начальства счастливить и просвѣщать народъ, гордость чиновниковъ, и та бурсоманія, которая все и всѣхъ гнула на прусскій ладъ, все подводила подъ одну линейку.

27-го мая разнеслась вѣсть, что императора Наполеона ожидаютъ въ Познани, и что онъ будетъ смотрѣть насъ. Пріѣздъ его былъ назначенъ 30-го числа, въ девять часовъ вечера. Улицы еще задолго наполнились народомъ. Превосходнѣйшая погода благопріятствовала торжеству дня, возвышенному, дѣйствительно, блистательною иллюминаціей города. Около девяти часовъ, нескончаемые крики возвѣстили пріѣздъ императора, сопровождаемаго взводомъ французской и польской гвардіи. У первой триумфальной арки, построенной близъ Вильды, съ надписью: *Heroi invincibili (Герою непобѣдимому)*, ожидалъ его президентъ города, Розе, въ главѣ муниципалитета. Наполеонъ остановился, выслушалъ привѣтственную рѣчь и, сказавъ нѣсколько любезныхъ словъ, поѣхалъ далѣе. У самыхъ же городскихъ воротъ его встрѣтили префектъ, графъ Понинскій, генералъ Дессоль, губернаторъ областей между Одеромъ и Вислою, и генералъ Аksamитовскій, губернаторъ познанскаго департамента. Въ Монастырской улицѣ, ведущей къ іезуитскому коллегіуму, гдѣ предполагалъ

жить императоръ, высилась другая триумфальная арка, съ надписью: *Restauratori patriae (Восстановителю отечества)*. Наконецъ порталъ городской башни, равно какъ и самый городъ, были ярко освѣщены. На транспарантѣ башни горѣли слова: *Grati Poloni Imperatori magno (Благодарные поляки великому императору)*. Двѣ колоссальныя пирамиды разливали цѣлое море огня. Пять отдѣленій ратуши, лѣстница которой еще была уставлена статуями польскихъ королей, имѣли столько же транспарантовъ. Надъ гербомъ города высились огромныя буквы N., M. L. и N. I. Французскій орелъ и гербъ великаго герцогства Варшавскаго послужили матеріаломъ для другихъ транспарантовъ. Но самое великолѣпное зрѣлище представляла церковь бернардиновъ и ея колокольня, насупротивъ комнатъ императора. Ярко освѣщенные транспаранты: *Napoleoni Magno Cesari et Victori (Наполеону Великому Государю и Побѣдителю)*, посрединѣ которыхъ красовался испанскій лавровый вѣнокъ, виднѣлись издалика. Масонская ложа построила, передъ своимъ домомъ, пирамиды со всяческими эмблемами, приосѣняемыми золотымъ орломъ съ буквою N. Плошки и освѣщенные окна распространяли повсюду свѣтъ, подобный дневному; по улицамъ бродили густыя толпы народа; пьяныхъ было вездѣ множество, но не случилось ни скандала, ни шума, ни какого-либо безчинства. На башнѣ ратуши всю ночь гремѣла музыка. Площади, въ особенности Сапѣги и нынѣшняя Пушечная, уподоблялись бивуакамъ, гдѣ расположилось сельское населеніе. Наши старослуживые солдаты говорили, что всѣ эти крестьяне были согнаны сюда начальствомъ, ради вѣщаго удостовѣренія императора во всеобщей къ нему преданности.... Не такія ли же празднества были въ Айбарѣ и въ Сарагосѣ?... И какъ много видѣлъ я, въ продолженіе моей жизни, подобныхъ проявленій лицемерія въ обширнѣйшихъ разбѣрахъ!...

На другой день мы выстроились на Пушечной Площади; но императоръ Наполеонъ не смотрѣлъ насъ; только маршалъ Мармонъ прошелъ по нашимъ рядамъ, объявилъ свое удовольствіе за то, что мы въ короткое время прослѣдовали такъ много, и тѣмъ все кончилось. Уже тогда, когда мы готовились разойтись, показался императоръ, проѣхалъ мимо насъ и громко спросилъ: «*Où est le prefet?*» («Гдѣ префектъ?»).—«*Je trouve les gens trop jeunes*», сказалъ онъ, обратясь къ нему; «*il me faut du monde en état de supporter des fatigues—les gens trop jeunes ne font que remplir les hôpitaux*». («Я нахожу людей слишкомъ молодыми; мнѣ нужны солдаты

способные переносить трудности, а молодые люди только наполняютъ собою госпитали»). Продолженія разговора я не слыхалъ.

Въ этотъ же день, послѣ обѣдни, былъ большой приемъ въ прежней столовой залѣ іезуитскаго монастыря. Присутствовавшіе при приемѣ рассказывали мнѣ, что Наполеонъ, войдя въ залу, обратился къ толпѣ польскихъ магнатовъ, которые всѣ были въ придворномъ костюмѣ, со слѣдующими словами: «Messieurs, j'aurais préféré de vous voir bottés et éperonnés, le sabre à côté, à l'instar de vos ancêtres à l'approche des Tartares et Cosaques; nous vivons dans un temps où il faut être armé de pied en cap et avoir la main à la garde de l'épée». («Господа, я желалъ бы лучше видѣть васъ въ сапогахъ со шпорами, съ саблею у боку, какъ то дѣлали ваши предки при приближеніи татаръ и казаковъ; мы живемъ въ такое время, когда надо быть вооружену съ ногъ до головы и держать руку на ефесѣ шпаги»).

При отдѣльныхъ представленіяхъ, былъ представленъ ему графъ Жолдрицкій, богатѣйшій въ то время помѣщикъ въ великопольской провинціи. Графъ занималъ должность мирового судьи и за многочисленныя, улаженныя имъ, спорныя дѣла, получилъ установленный для того знакъ отличія, густо покрытый эмалью. — «Сколько рабочихъ занимаете вы на вашихъ фабрикахъ?» спросилъ его Наполеонъ. Такъ какъ графъ, имѣвшій во всѣхъ своихъ помѣстьяхъ много благотворительныхъ учрежденій и вовсе незанимавшійся фабричною промышленностію, смутился при такомъ вопросѣ и промолчалъ, то императоръ опять спросилъ его: — «Вѣдь у васъ фарфоровыя заводы?» — Тогда префектъ доложилъ: — «Ваше величество, это графъ Жолдрицкій, самый богатый въ краѣ помѣщикъ». — «Ah! c'est très bien!» (А! очень хорошо!) проговорилъ Наполеонъ и обратился къ другому.

При представленіи дамъ, ему назвали графиню Мичельскую, вышедшую впослѣдствіи за мужа за графа Евилецкаго. Ей было не болѣе семнадцати или восемнадцати лѣтъ, но она была дѣвица болѣе нежели полная и притомъ рослая. — «Combien avez-vous d'enfants?» (Сколько у васъ дѣтей?) — «Sire, je n'en ai pas». (Государь, у меня нѣтъ дѣтей.) — «Vous êtes donc divorcée?» (Слало быть вы въ разводѣ?). — «Sire, je ne suis pas mariée du tout, je suis encore demoiselle». (Государь, я не замужемъ, я еще дѣвица.) — «Ah, il ne faut pas trop choisir, vous n'avez pas de temps à perdre!» (А! нечего быть разборчивой, пора вамъ замужъ.) Рассказывали и многіе другіе, еще болѣе забавныя, анекдоты, которые, статься можетъ, были и выдуманы путешателями и пущены въ

хоть, чтобы скандализировать или поднять на смѣхъ кого-нибудь, какъ то часто случается въ жизни. — «Какое впечатлѣніе произвелъ императоръ на здѣшній высшій кругъ?» спросилъ я моего знакомаго, большаго наблюдателя, получившаго превосходное воспитаніе. Онъ отвѣчалъ: — «Находятъ, что у него дурныя манеры, голосъ отрывистый и скрыпучій, тошъ рѣзкій и надменный.... Находятъ, что онъ гораздо ниже, въ этомъ отношеніи, князя Понятовскаго, котораго считаютъ здѣсь типомъ *chevalier comme il faut*». Таково дѣйствительно, было общее впечатлѣніе, произведенное аудіенціей Наполеона на высшее польское дворянство, въ особенности на дамъ. Бывшій воевода и камергеръ короля Станислава, на вопросъ: что говорилъ съ нимъ императоръ и какъ онъ его нашелъ, отвѣчалъ: «*Nec affabilis, nec amabilis, nec adibilis*». (Нелюбезенъ, непривѣтливъ, неласковъ.) Графиня Квилецкая сказала: «*il n'a pas fait de progrès depuis le 26 novembre 1806*» («Онъ все тотъ же, какиъ былъ 26-го ноября 1806 года») — день его прибытія сюда. Когда же графинѣ возразили, что съ добродушіемъ князя Понятовскаго не основываютъ или не создаютъ государствъ, она прибавила: — «За то сердцемъ часто дальше видятъ, чѣмъ головой».

Городъ Познань представлялъ подлинно военное зрѣлище: повсюду были заложены магазины; церкви, гульбища набиты соломой и сѣномъ; улицы, большею частію немощеныя, утопали въ облакахъ пыли.... Тогдашняя Познань не имѣла даже приблизительно ничего похожаго на нынѣшнюю: это была груда преимущественно одноэтажныхъ, покрытыхъ дрянью, домовъ, перемѣшанныхъ, изрѣдка, съ двухэтажными и лучше выстроенными массивными зданіями. Точками ориентированія служили полуразвалившіяся церкви и монастыри; мрачныя ворота вели въ городъ, отчасти еще окруженный стѣною. Торговыя площади были заняты дрянными лавченками; большинство улицъ, какъ сказано немощеныхъ, становились, послѣ дождя, непроходимыми и непроѣздными, и верѣдко можно было видѣть опрокинутые или застрявшіе въ грязи экипажи.

Мы простояли въ Познани мѣсяць. Получивъ приказаніе отправиться въ полкъ, уже находившійся на маршѣ къ Вислѣ, я заѣхалъ дорогою къ моимъ родителямъ, жившимъ въ Стрельновѣ. День, проведенный мною у нихъ послѣ долговременной разлуки, былъ не радостный день. Континентальная система, за которою послѣдовали безкопечныя движенія французскихъ войскъ, начиная съ 1806—1807 года, падежъ скота и совершенная безкормица, повизили всѣ цѣны на хлѣбъ до того, что онѣ едва покрывали издержки производи-

тельности. Не задолго до моего приѣзда, маршалъ Ней, со своимъ штабомъ, стоялъ у моихъ родителей; кронпринцъ Вюртембергскій также прожилъ у нихъ нѣсколько дней; на обширномъ дворѣ нашего дома бивуакировалъ цѣлый баталіонъ. Наобозранныя вереницы обоза увезли съ собою все, истребили послѣдніе запасы фуража; рабочія лошади были день и ночь подъ подводами, и, несмотря на охранный листъ, войска хозяйничали какъ въ непріятельской странѣ. «Ты, сынъ мой, зналъ здѣсь лучшіе дни, а теперь пришелъ въ домъ нищаго», сказалъ мнѣ отецъ со слезами. Я еще лежалъ въ его объятіяхъ, когда пришли сказать, что на одномъ изъ нашихъ хуторовъ французы опустошили всѣ амбары и всѣ сѣновалы, такъ что, въ буквальномъ смыслѣ, нечѣмъ было кормить лошадей. Начальникъ колонны, къ которому я поспѣшилъ отправиться, извинялся необходимостію, говорилъ, что магазины пусты, что онъ обязанъ отвѣчать императору за сохраненіе матеріала, что онъ за все выдаетъ квитанціи, что онъ можетъ, долженъ и будетъ вездѣ брать необходимый фуражъ, лишь бы соблюдались при этомъ законныя формальности.... Я, дѣйствительно, вездѣ видѣлъ страданія и нищету, непремѣнно облеченныя въ законную форму, но отъ этого положеніе становилось еще невыносимѣе....

Въ Торнѣ (*) Наполеонъ останавливался въ почтовомъ домѣ, въ той самой квартирѣ, гдѣ жилъ впоследствии король прусскій, когда, вступивъ вновь въ свои владѣнія, въ первый разъ приѣзжалъ въ Торнъ. Полковникъ Малышевскій, командовавшій нашимъ полкомъ послѣ взятія Смоленска, служилъ тогда въ штабѣ Бертье и, бывъ въ этотъ день назначенъ ординарцемъ въ императорскомъ штабѣ, находясь, съ другими офицерами, въ дежурной комнатѣ. Онъ рассказывалъ, что офицеры, утомленные, измученные, сидѣли по угламъ, и только одинъ генералъ Мутонъ лежалъ на матрацѣ. Во второмъ часу по полуночи, они услышали, что императоръ сталъ ходить по своей комнатѣ взадъ и впередъ, и вдругъ запѣлъ сирому изъ революціонной пѣсни:

Et du nord au midi la trompette guerrière
A sonné l'heure du combat—
Tremblez, ennemis de la France! (**)

Потомъ все смолкло, какъ будто все вымерло....

(*) Тогда рассказывали, будто Наполеонъ посѣщалъ скромный домикъ, въ которомъ жилъ Коперникъ, а потомъ ходилъ въ церковь св. Іоанна поклониться его могилѣ. Это несправедливо. Въ то время не знали еще дома, въ которомъ некогда жилъ Коперникъ.

Прим. авт.

(**) „И отъ сѣвера до юга прозвучала боевая труба: трепещите враги Франціи!“

10-го іюня, рано утромъ, мы выступили въ дальній походъ.

— Что ты думаешь о предстоящей намъ кампаніи? спросилъ я товарища моего, поручика Гордона.

— Сказать откровенно, предвѣщаніе нашего стараго капитана Разовскаго (*) едва-ли не справедливо, отвѣчалъ онъ. На одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ себѣ представить разстройства хозяйственной части въ нашей арміи. Все расплозлось.... всякій дѣлаетъ что хочетъ, беретъ что можетъ.... и вся маршевая линія представляетъ картину поразительной неурядицы. Если такъ продолжится, то подъ конецъ мы пойдемъ вынужденными пожирать другъ друга, какъ голодныя крысы. Я ежедневно имѣлъ случай убѣждаться въ этомъ, и иной разъ готовъ былъ лопнуть съ досады.... Всѣ разноплеменные солдаты поступаютъ одинаково: французы, итальянцы, вюртембергцы, баденцы, баварцы, даже поляки—всѣ на одинъ ладъ. Императоръ долженъ быть слѣпъ: иначе онъ не потерпѣлъ бы ничего подобнаго.

Я могъ только вполне согласиться съ моимъ добрымъ товарищемъ, и рассказалъ ему все, что видѣлъ въ домѣ моихъ родителей. На другой день, 11-го іюня, остановясь въ городѣ Штрасбургѣ у старшаго лѣспичаго, я разговорился съ нимъ и съ его женою о тогдашнихъ дѣлахъ. Честный лѣспичій, дѣлавшій кампанію въ Шампани, увѣрялъ меня, что и непріятельскія войска не неистовствовали такъ во Франціи, какъ теперь поступали друзья-французы, а жена его прибавила, что пройдутъ многіе и многіе годы, прежде чѣмъ можно будетъ поправиться послѣ претерпѣннаго разоренія. 14-го числа я догналъ свой полкъ у Либштадта. Обстоятельства, при которыхъ мы свидѣлись вновь послѣ трехмѣсячной разлуки, очень измѣнились. Почти всѣ мои сослуживцы, бывшіе изъ великопольской провинціи, получали плохія вѣсти съ родины, а въ полку оказались даже побѣги, чего не случалось уже нѣсколько лѣтъ сряду. Продовольствіе было до крайности дурное и недостаточное; дороги отвратительныя; жара песнопояная; размѣщеніе многочисленныхъ войскъ тѣсное. Я самъ, при всемъ своемъ романтизмѣ, началъ призадумываться. Страпа, по которой мы шли, воспоминаніе о сраженіяхъ, выдержанныхъ здѣсь французами (**), нужда, которую мы испытывали уже теперь, но въ

(*) Старый, боевой командиръ роты Разовскій слылъ въ полку предсказателемъ, и когда былъ объявленъ походъ въ Россію, предречь его неудачу.

(**) Т. е. во время второй войны императора Александра съ Наполеономъ. Воспоминаніе о кровопролитѣйшемъ побойщѣ при Шрейнишъ-Эйлау и о необычайномъ сопротивленіи нашихъ войскъ было еще свяжо между наполеоновскими солдатами.

особенности безпорядки, повсюду проявляшіеся, повергали меня въ уныніе.

19-го іюня мы достигли Инстербурга. На всѣхъ станціяхъ мы находили самое дурное помѣщеніе; магазинное продовольствіе было недостаточно и получалось часто такъ поздно, что солдаты не успѣвали варить себѣ пиши. Все это подавало поводъ къ безчисленнымъ жалобамъ, которыя, однако, почти никогда не были удовлетворяемы. Число отсталыхъ и бродячихъ солдатъ, нехотѣвшихъ знать никакой дисциплины, увеличивалось. Однако въ Инстербургѣ мы, противъ ожиданія, нашли и порядочныя квартиры, и правильно устроенное продовольствіе, и уже начинали надѣяться, что, по мѣрѣ сосредоточенія войскъ, возстановится и порядокъ. Мы скоро разочаровались въ своихъ надеждахъ.

Въ Вылковышкахъ, куда мы пришли 24-го (12-го) числа, намъ сказали, что здѣсь находится главная квартира императора; говорили также о воззваніи его къ войскамъ, но бумаги этой никто изъ насъ не видалъ. Уже впоследствии стало извѣстнымъ, что здѣсь былъ подписанъ знаменитый приказъ, возвѣщавшій о началѣ второй польской войны и о томъ, что «Россія увлекается рокомъ».

Въ три часа пополудни призвалъ меня къ себѣ старшій въ полку штабъ-офицеръ и приказалъ отправиться, съ пятидесятью человѣками моей роты, въ мѣсто между Вылковышками и Мариенполемъ, гдѣ я долженъ былъ найти стадо рогатаго скота, захватить его и передать дивизионному комисару. Этотъ скотъ предполагалось гнать за дивизіей до Вильны, какъ главную основу продовольствія. Очень непріятно было мнѣ подобное порученіе, но я не могъ уклониться отъ него. Мы пришли въ назначенное мѣсто гдѣса довольно поздно, провели ночь безъ огня, и съ первыми же лучомъ солнца я пустился, съ моими людьми, на поиски. Побродивъ съ часъ, мы, дѣйствительно, нашли стадо изъ полусотни головъ, которое пасла молоденькая и очень пригожая дѣвушка. Не было предѣла ея страху и изумленію, когда мы немедленно овладѣли стадомъ и стали готовиться гнать его. Дѣвушка кричала, плакала, ломала себѣ руки и нѣсколько разъ бросалась мнѣ въ ноги; но видя, что все это напрасно, умоляла меня оставить, по крайней мѣрѣ, двѣ коровы ея родителямъ, на что я согласился. Въ Вылковышки мы воротились часовъ въ десять утра, но мѣстечко было уже пусто: бродили лишь отсталые, да лазаретная карета не успѣла еще уѣхать. Я уже хотѣлъ прослѣдовать далѣе, когда ко мнѣ подошелъ мѣстный священникъ и спросилъ меня, не желаю ли я взглянуть на квартиру, гдѣ

жилъ императоръ, и закусить за тѣмъ самымъ столомъ, за которымъ онъ обѣдалъ. Первая часть предложенія подстрекнула меня сильнѣе, чѣмъ вторая. Приказавъ конвою идти далѣе, я отправился въ домъ священника, гдѣ Наполеонъ имѣлъ свою главную квартиру. Домъ занималъ возвышенное и пріятное положеніе; изъ оконъ видъ былъ на открытое мѣсто; двѣ низенькія, выбѣленные комнаты рядомъ, отдѣленные коридоромъ отъ третьей насупротивъ, составляли жилище императора. Священникъ показывалъ мнѣ, гдѣ стоялъ рабочій столъ, гдѣ помѣщались туалетъ и ванна.

II.

Переправа чрезъ Нѣманъ 26-го (14-го) іюня.—Первый бивуакъ на русской землѣ у Ковны.—Маршъ на Вильну и Минскъ.—Энергическія мѣры маршала Даву.—Движеніе къ Могилеву, къ Оршѣ и къ Дубровкѣ.—Постройка лагеря и пребываніе здѣсь до 1-го августа.

Я видѣлъ многія картины, изображающія переправу черезъ Нѣманъ. Если бы можно было передать на нихъ происходившій при этомъ беспорядокъ, то картины были бы, конечно, поучительнѣе для исторіи. Суматоха была не воображимая. Все бросилось къ мосту; всякій хотѣлъ попасть на него первымъ, взять съ собою свой экипажъ; никто не обращалъ вниманія на распоряженія жандармовъ. Сцены беспорядка происходили въ особенности тогда, когда сожнутыя части войскъ уже переправились и когда за ними должны были слѣдовать тяжести; но этого не хотѣли допустить, преимущественно, артиллерійскіе парки, офицеры которыхъ стояли на мосту. Слышались крики, ссоры, брань.... Побѣду одерживалъ обыкновенно тотъ, кто прежде другихъ имѣлъ въ готовности своихъ людей и свои повозки. «Здѣсь происходитъ почти то же, что и при переправѣ чрезъ Эбро (послѣ первой осады Сарагосы); не достаетъ только Лефевра для соблюденія порядка», замѣтилъ одинъ пожилой офицеръ. При переправѣ чрезъ Эбро, генераль Лефевръ стоялъ на мосту, отнималъ верховыхъ лошадей у всякаго, кто не имѣлъ права быть верхомъ, и передавалъ ихъ артилеріи. Такимъ образомъ онъ очистилъ дефиле отъ множества лошадей, которыя только мѣшали войскамъ, но были весьма полезны артилеріи. Если бы то же соблюли и при переправѣ чрезъ Нѣманъ, то привели бы въ Россію лошадей меньше восемью или десятью тысячами. Большая часть ихъ пала, прежде чѣмъ мы достигли Вильны, и почти всѣ эти лошади были насильственно уведены изъ Пруссіи и изъ Польши.

Передъ вступленіемъ на русскую землю, намъ были прочитаны,

для напоминанія, правила объ оборонѣ крѣпостей и о капитуляціяхъ въ открытомъ полѣ, написанныя еще во времена республики (26-го іюля 1792) и пополненныя новыми императорскими постановленіями. Кто, въ открытомъ полѣ или въ позиціи, заключалъ съ непріятелемъ капитуляцію, тотъ наказывался смертію. «*Tout officier—сказано было въ правилахъ—songera, qu'on doit compter sa vie pour rien, si elle doit être mise en balance avec son honneur, et cette idée doit être pour lui et pour ses subordonnés le mobile de toutes ses actions.*» (Всякій офицеръ пусть помнитъ, что жизнь свою должно ставить ни во что, если она должна быть поставлена вровень съ честью, и эта мысль должна быть и для него, и для его подчиненныхъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій.)

Мы переправились между двумя и тремя часами. Ширина рѣки не произвела на насъ особеннаго впечатлѣнія. «Такъ вотъ Нѣманъ!»—это восклицаніе было почти общее при вступленіи на судовую мостъ, было почти единственнымъ привѣтствіемъ пограничной рѣкѣ, раздѣлявшей до сихъ поръ двѣ враждебныя арміи.

Изъ Бовны, незначительнаго городка, состоявшаго тогда почти сплошь изъ деревянныхъ домовъ, выѣхали всѣ русскіе чиновники; но и мѣстные обыватели показывались лишь изрѣдка. Даже питейные дома, еще открытые при первомъ появленіи войскъ, были потомъ заперты. Мы расположились бивуакомъ въ лѣсу, въ полумилѣ отъ города, и уже въ этотъ день пропали изъ нашего обоза повозка съ хлѣбомъ и нѣсколько головъ скота. Кто поживился позищеннымъ, узнать было невозможно.

27-го числа (15-го) пришли мы въ Румшишки и бивуакировали за этою деревнею. Нигдѣ ни одного жителя! Да и самая деревушка почти вся была сравнена съ землею: проходившія здѣсь прежде насъ войска растаскали избы на бивуачные костры. Крестьяне скрывались въ сосѣднемъ лѣсу. Всю ночь шелъ дождь. Маршъ 28-го числа былъ чрезвычайно утомительный. Дождь лилъ какъ изъ ведра, при весьма чувствительномъ холодѣ. Вкругомъ все было опустошено и разграблено; деревни, мимо которыхъ мы слѣдовали, являли жалкую картину разрушенія. На сколько видѣлъ глазъ, хлѣбныя поля были скошены для корма лошадей и для покрывки шалашей. Люди молодой гвардіи, вслѣдъ за которою мы двигались, валялись толпами по дорогѣ; но наши солдаты стойко выносили походъ. А дождь все не переставалъ. Дорога была усыяна трупами лошадей.

30-го (18-го) подошли мы къ Вильнѣ. Окрестности ея, на далекое пространство, представляли пустыню: цѣлыя селенія исчезли

съ лица земли; на бивуаки являлись бѣдные жители просить кусна хлѣба. Они горько жаловались на повсемѣстные грабительства и безчинства, что произвело грустное впечатлѣніе на нашихъ людей. «Бездѣльники французы» — говорили польскіе солдаты — «хозяйничаютъ здѣсь какъ въ Испаніи; но они ошибаются, если думаютъ, что русскіе не отплатятъ имъ тѣмъ же: придетъ время и для нихъ». На этомъ маршѣ, въ дождь и въ холодъ, я впервые видѣлъ мертвыхъ солдатъ въ начавшуюся кампанію, хотя до сихъ поръ мы изрѣдка слышали только пушечные выстрѣлы, да и то весьма отдаленные: это были два солдата молодой гвардіи, которые, вѣроятно, упали пьяные и погибли въ грязи.... Лошадиные же трупы тысячами покрывали дорогу.

31-го (19-го) мы расположились по близости Закрета, подгороднаго помѣстья генерала Бенигсена. Господскій дождь и садъ, подобно думать, были очень хороши; но войска, здѣсь стоявшія, разорили все. Нижний этажъ, занятый канцеляріями, не имѣлъ ни окопъ, ни дверей; въ верхнемъ поселились офицеры всѣхъ оружій. Одинъ виленскій житель рассказывалъ намъ, что, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, здѣсь былъ большой балъ, на которомъ присутствовалъ императоръ Александръ, находились генералы и вся губернская знать. Огинскій, въ своихъ мемуарахъ, упоминаетъ, что онъ видѣлъ на этомъ балу Александра такимъ же спокойнымъ и веселымъ, какъ и въ самые мирные дни (*). Теперь здѣсь все являло запустѣніе и разореніе: оранжереи были разрушены; въ лагерьъ нашему валялись стаканы, цвѣточные горшки; солдаты строили себѣ шалаши изъ всего, что попадало подъ руку, въ особенности же изъ оранжерейныхъ и парниковыхъ рамъ, и покрывали ихъ мокурою соломой. Всю ночь шелъ такой сильный дождь, что не было почти возможности поддерживать огонь въ кострахъ; лагерь превратился въ кучу жидкой глины, въ которой поги увязали на каждомъ шагу; къ довершенію горя, мы нуждались въ продовольственныхъ припасахъ. Когда приказано было варить пиццу, нѣкоторые офицеры, сопровождаемые людьми своихъ частей, поспѣшили въ Вильну добывать съѣстнаго и питейнаго. Къ счастью, они скоро вернулись съ виномъ, медомъ, бѣлымъ хлѣбомъ, колбасами и т. п., и лишь только дождь пересталъ, небо прояснилось и послало

(*) Балъ, о которомъ говоритъ Брандтъ, давали императору Александру военные чины главной квартиры, и во время этого-то бала государь узналъ о переправѣ французовъ черезъ Нѣманъ. Подробности о праздникѣ въ Закретѣ можно читать въ рассказѣ графини Шуваль-Гуеъе, помѣщенномъ въ „Военномъ Сборникѣ“ 1866 г., № 4, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ I и о Наполеонѣ“.

намъ нѣсколько солнечныхъ лучей, мрачное настроеніе всѣхъ превратилось въ веселье. Стали разбирать ружья, чистить одежду. Однако небо опять скоро подернулось темными облаками. Несмотря на то, тотчасъ послѣ обѣда получено было приказаніе полковаго командира приготовиться къ смотру: въ то время существовало правило содержать войска, при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, въ порядкѣ и постоянно осматривать ихъ. Но вдругъ раздася призывъ къ оружію... мы выступили торопливо. Говорили, что непріятель наступаетъ и чрезъ нѣсколько часовъ произойдетъ сраженіе. Едва взялись мы за оружіе, какъ опять полилъ дождь. Мы обошли Вильну полукругомъ, едва пробираясь по холмистой, до нельзя размытой мѣстности, остановились къ востоку отъ дороги изъ Вильны въ Едлину и заняли высоту. Дождь былъ такъ великъ, что мѣстные предметы можно было видѣть лишь съ самаго короткаго разстоянія; мрачное небо затмѣвало всю атмосферу. Въ эту-то минуту появился императоръ. Задній конецъ его маленькой, всему міру извѣстной шляпы повисъ; вода ручьями лила съ сѣраго сюртука; онъ ѣхалъ на бѣлой лошади, имѣлъ въ рукахъ хлыстикъ, которымъ колотилъ о сапоги, и нѣсколько разъ принимался смотрѣть въ подзорную трубу, хотя, по всей вѣроятности, едва-ли могъ видѣть что-нибудь. «*Mais c'est une pluie terrible!*» (Какой ужасный дождь!), сказалъ императоръ, обращаясь къ Бертъе, возлѣ него ѣхавшему съ недовольнымъ лицомъ. Вскорѣ потомъ онъ оставилъ насъ, обмѣнявшись парю словъ съ генераломъ Клапаредомъ. Послѣ я слышалъ, что Наполеонъ останавливался у каждой части и указывалъ ей позицію.

Простоявъ на горѣ почти до вечера, мы расположились у дороги, ведущей изъ Іеве въ Опшяны, и воспользовались здѣсь шалашами, въ которыхъ незадолго до насъ жили русскіе и которые еще очень хорошо сохранились. Ложныя извѣстія о движеніи русской арміи къ Вильпѣ, можетъ быть корпуса Дохтурова или даже Багратіона, въ то время, когда главныя силы французовъ уже направлялись къ Двинѣ, распространили тревогу въ столицѣ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго. Поводомъ легко могли служить нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ изъ тѣхъ частей корпуса, которыя старались примкнуть къ арміи Барклая. Преувеличенныя донесенія приписывались генераламъ Пажолю и Бордесу. Во всякомъ случаѣ, ничего не было извѣстно о томъ, что происходило на лѣвомъ флангѣ арміи. Если бы въ этотъ день послѣдовало подѣ Вильною столкновеніе, то движенія наши были бы очень медленны; особенно для артиллеріи и кавалеріи мѣстность была совершенно непроходима, и даже пѣхота пле-

лась кое-какъ. Тутъ произошло бы сраженіе въ родѣ пултусскаго. Въ нашему счастью, погода съ 1-го іюля стала проясняться. Находясь цѣлыхъ восемь дней подъ непрерывнымъ дождемъ и промоченные такъ, какъ будто лежали въ водѣ, мы могли, наконецъ, вынуть вещи изъ чемодановъ и обсушиться. Всякій лучъ солнца былъ радостно привѣтствованъ нами. Весело простояли мы въ лагерѣ, имѣя сносное продовольствіе, до 3-го числа, а въ этотъ день перешли въ предмѣстья Вильны, гдѣ пробыли до 4-го іюля.

Не могу похвалиться, чтобы насъ встрѣтили особенно хорошо въ виленскихъ форштатахъ. Войска, прежде насъ здѣсь находившіяся, унесли съ собою и честь, подожавшую «освободителямъ отчины», и самые лучшіе куски. Что бѣдные «освобожденные» крѣпко пострадали при этомъ, разумѣется само собою.

Мы познакомились здѣсь съ офицеромъ бывшей литовской гвардіи, раненымъ при самомъ началѣ штурма Праги и привезеннымъ въ Варшаву. Командиръ этого полка, Грабовскій — рассказывалъ намъ офицеръ — будучи одержимъ тяжкою болѣзнію, приказалъ отнести себя на поле сраженія и нашелъ смерть въ главѣ полка. Весь полкъ былъ истребленъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ раненыхъ, прежде препровожденныхъ въ Варшаву. Во время рассказа, прибѣжалъ къ нашему путеводителю гонецъ съ извѣстіемъ, что французы до-чиста разграбили его деревню и домъ. «Мы, кажется, никогда не избавимся отъ грабительства», замѣтилъ ветеранъ, прощаясь съ нами; «а вѣдь все это наши мнимые друзья и избавители доводятъ насъ до нищенской сумы».... При нашихъ бѣглыхъ экскурсіяхъ по городу, мы ежеминутно наталкивались на солдатъ, позволившихъ себѣ насилія съ жителями.

Рано утромъ, 4-го іюля, получили мы приказаніе готовиться къ большому параду. Говорили, что императоръ наименоуетъ полки нашего легіона гвардейскими. Во всякомъ случаѣ, мы должны были содѣйствовать возбужденію литовцевъ. Но едва кончили мы наши приготовленія къ параду, какъ пришло предписаніе скорѣе варить пищу и выступать. Около полудня тронулись мы по направленію къ Мѣдникамъ, пришли сюда, чрезъ лѣса, пески и болота, очень поздно и расположились бивуакомъ въ лѣсистой мѣстности. Маршъ былъ до крайности утомительный и у насъ оказалось много мародеровъ, что въ нашемъ полку было явленіемъ совершенно новымъ. Прихѣръ, поданный французскою арміею, подѣйствовалъ и на нашихъ людей; нити дисциплины еще не ослабѣли, но стали, если могу такъ выразиться, эластичными; нестерпимая жара днемъ, мѣстами песчаная,

потомъ сплошь грязная почва, а, главное, маршъ въ четыре съ половиною мили (31 $\frac{1}{2}$ версты), все это нѣсколько расшатало порядокъ.

5-го іюля выступили мы къ Опшьянамъ. И этотъ переходъ былъ трудный; солнце въ густыхъ сосновыхъ лѣсахъ палило тропическимъ зноемъ; песокъ былъ глубокий; вода встрѣчалась рѣдко. Расположились недалеко отъ города; отсталые если не въ конецъ разграбили его, то очистили порядочно; нѣкоторые изъ нихъ размѣстились здѣсь, такъ что почти въ каждомъ домѣ жили мардереры. Въ лагерѣ мы узнали о постановленіи варшавскаго сейма (генеральной конфедераціи) отъ 28-го іюля (16-го), которымъ провозглашалось восстановление Польши. Подивились мы рѣчи, произнесенной по этому поводу сенаторомъ Выбицкимъ, особенно ея заключенію: «Dites, Sire, que le royaume de Pologne existe, et le decret sera pour le monde l'équivalent de réalité». («Скажите, государь, что королевство Польское существуетъ, и декретъ будетъ для всего міра равносильнымъ дѣйствительности.») Хотя постановленіе и было начинено подобными трескучими фразами, прочтано самымъ торжественнымъ образомъ, при барабанномъ боѣ и при крикахъ ура, однако наши польскіе солдаты встрѣтили его холодно, мало интересовались имъ, и даже перестали говорить объ этомъ событіи, лишь только составили ружья въ козлы. Намъ сообщили полный списокъ организаціи, изъ котораго мы узнали о назначеніи временной правительственной комисіи (commission provisoire du gouvernement), императорскаго комисара при этой комисіи, въ лицѣ Бивьона, префектовъ, подпрефектовъ, жандармовъ, офицеровъ. Когда, на другой день, зашла на маршѣ рѣчь о дѣлахъ въ Варшавѣ, нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ не могли взять себѣ въ толкъ, чтобы все это значило; они слышали, правда, отъ своихъ родителей о конфедераціяхъ барской и торговницкой, но, по ихъ словамъ, тѣ времена были плохія. Одинъ изъ потѣшниковъ роты прибавилъ: «конфедерація значитъ просто, что французы будутъ теперь грабить Литву, какъ грабили Польшу»....

Пагубное вліяніе распушенности въ главной арміи, обнаруживавшееся на каждомъ шагѣ, уже здѣсь не могло укрываться отъ опытнаго глаза. Хотя наша дивизія шла отдѣльно, поддерживая, съ одной стороны, связь съ войсками въ Вильнѣ, съ другой образуя авангардъ корпуса Даву, однако мы вездѣ встрѣчали обозы, мародеровъ, одиночныхъ отсталыхъ, и притомъ въ такомъ числѣ, что цѣлыя селенія, даже вся большая дорога, были наполнены ими. Часто на протяженіи четверти и полумили (1 $\frac{3}{4}$ и 3 $\frac{1}{2}$ версты) не видно было ни-

чего, кромѣ запряженныхъ малорослыми деревенскими лошадьми телегъ, на которыхъ мародеры везли награбленную добычу; они располагались съ нею на удобныхъ мѣстахъ и въ формальныхъ лагерьяхъ пожирали воровскіе съѣстные припасы. Изъ послѣдующихъ событій мы увидимъ, до какихъ размѣровъ достигло это зло.

Изъ-подъ Опшмянъ насъ направили, чрезъ Виснѣво, Волочинь и Раковъ, на Минскъ. Марши были въ высшей степени утомительны; дороги дурны. Обыкновенно мы выступали въ десять часовъ, тщательно выставляли посты при каждой остановкѣ и двигались съ величайшими предосторожностями. Причина та, что появились назачьи отряды, съ которыми мы обмѣнивались ружейными выстрѣлами. 7-го іюля, подъ непрерывнымъ дождемъ, увязая въ грязи, добрались мы до Виснѣва, бивуакировали въ лужахъ, не могли развести огня отъ сырости дровъ и не имѣли продовольствія. Жители окрестныхъ деревень разбѣжались. Мокрыя и голодные, двигались мы, 8-го числа, черезъ Волочинь до Ракова, гдѣ, къ счастью, нашли русскіе бараки. О правильной раздачѣ съѣстныхъ припасовъ не было и рѣчи: кое-что отнимали у мародеровъ, да посылали команды въ лѣса, куда жители угнали свой скотъ. Въ довершенію невзгодъ, мы наткнулись здѣсь на всякаго рода обозы, завязшіе въ грязи. Убылихъ подъ ними лошадей загибали деревенскими, но какъ и этихъ лошадей, подобно своимъ собственнымъ, кормили скудно, то и онѣ скоро изнурялись и падали. Ихъ выпрягали и, разумѣется, оставляли на дорогѣ. Часто случалось, что орудія и повозки переѣзжали по такимъ, еще живымъ, лошадямъ и дымившіяся внутренности ихъ обвивались вокругъ колесъ. Но это никого не трогало, потому что и участь людей была не лучше. Я видѣлъ множество солдатъ сидѣвшихъ и лежавшихъ на дорогѣ, и тутъ же испускавшихъ духъ. Не оказывалось ни одной заботливой, сердобольной руки, которая подала бы имъ помощь. Все это производило чрезвычайно грустное впечатлѣніе на солдатъ: они видѣли и понимали, что многое могло бы быть иначе, лучше. Прошло не болѣе двухъ недѣль со времени переправы нашей чрезъ Нѣманъ, а армія уже являла очевиднѣйшіе слѣды дезорганизациі: изъ всѣхъ частей ея было весьма много отсталыхъ, и каждая рота, навѣрное, не досчитывалась отъ пятнадцати до двадцати человѣкъ.

8-го числа мы снялись съ лагеря подъ Раковомъ при ужаснѣйшемъ дождѣ. Здѣсь я долженъ былъ сдать командованіе ротой, такъ какъ меня назначили временно исправляющимъ должность старшаго адъютанта, что мнѣ не особенно было пріятно. Бѣдные штабные

офицеры, обязанные день и ночь быть на ногахъ и очень часто посылаемые въ главную квартиру, иногда удаленную отъ бивуака, претерпѣвали, по своему изолированному положенію, гораздо большія лишения, нежели рѣтвые командиры. Притомъ и вѣрно ердящимъ съ ротою, которою такъ долго командовалъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Люди, какъ говорится, носили меня на рукахъ. За немногими исключеніями, все мы были почти единки жить; опасности войны сдружили насъ; я зналъ личные и семейныя дѣла всехъ вольтижеровъ, писалъ имъ письма на родину, и могу сказать, что былъ повѣреннымъ ихъ горестей и радостей, честнымъ другомъ каждому изъ моихъ людей. И при всемъ этомъ, дисциплина поддерживалась у меня съ такою строгостію, какъ нигдѣ въ другихъ ротяхъ. Съ истинно-душевною скорбію разстается я съ моею ротою; я командовалъ ею, съ немногими перерывами, со времени ея сформированія послѣ сраженія при Санта-Маріи (въ Испаніи). При прощаніи, люди цѣловали, со слезами, мои руки и ноги.

9-го числа стали говорить о появленіи русскихъ; произведена была рекогносцировка; слышались даже выстрѣлы будто-бы по казакамъ. При утреннемъ рапортѣ, полковой командиръ спросилъ меня, отважатся-ли русскіе ворваться въ наши колонны и атаковать насъ? «Почему же нѣтъ?» отвѣчалъ я; «еслибы они знали о скандалахъ, у насъ происходящихъ, то могли бы славно поработать здѣсь, захватить тысячи плѣнныхъ, поживиться добычею... Но какъ мародеры и отсталые не бѣгутъ къ своимъ частямъ, то это вѣрный признакъ, что на нѣсколько миль въ окружности нѣтъ ни одного русскаго». И я былъ правъ. Въ теченіе многихъ дней мы не видали ни одной казачьей пни.

Вечеромъ, когда мы стали бивуакомъ и утолили голодь мясомъ (хлѣбъ на ранцахъ размокъ до того, что могъ быть употребленъ только на похлебку), генералъ Кланаредъ вызвалъ дивизію и сосчиталъ людей въ каждой ротѣ. Онъ былъ внѣ себя отъ огромной убыли ихъ со времени выступленія изъ Вильны. Но генералъ Хлопицкій высказалъ ему прямо, что иначе и не могло быть по причинѣ ночныхъ маршей, отъ недостатка продовольствія и необходимѣйшихъ бивуачныхъ потребностей, отъ самаго выбора бивуаковъ вдали отъ воды и жаркихъ мѣстъ и, наконецъ, отъ снанья солдатъ на мокрой землѣ. Хлопицкій прибавилъ, что дурной примѣръ, ежедневно, даже ежечасно видимый войскамъ, много способствуетъ деморализаціи такой части, которая, до сихъ поръ, признавалась всеми начальниками образцовою по дисциплинѣ и по субординаціи. «Два

большія сраженія», сказалъ въ заключеніе Хлопциій, «не стоили бы арміи того, что она потеряла, благодаря отсутствію дисциплины и продовольствія, послѣ перехода за Нѣманъ». Генералъ Блаларедъ, обыкновенно весьма вспыльчивый, не возразилъ ни слова; но видно было, что онъ съ усиліемъ проглотилъ эту правду.

10-го выступили мы по направленію къ Минску. Здѣсь мы расположились лагеремъ, въ которомъ пробыли до 13-го. Давно было жара дать намъ отдыхъ.

Маршалъ Даву, имѣвшій, какъ извѣстно, порученіе отрѣзать армію Багратіона, когда она должна была задерживать короля Іеронима, пришелъ въ Минскъ въ такомъ положеніи, при которомъ едва ли могъ бы устоять противъ энергической атаки превосходнаго въ силахъ Багратіона, особенно если бы многочисленная русская кавалерія, одержавшая столь значительные успѣхи при Мирѣ надъ авангардомъ короля Вестфальскаго (*), не допустила послѣдняго пожать помощь Даву. Все это понималъ маршалъ, и потому простоялъ до 14-го (2-го) іюля, съ главными силами, въ Минскѣ и его окрестностяхъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ города, нашли мы нѣсколько полныхъ провіантскихъ магазиновъ, которыхъ русскіе не успѣли сжечь. Намъ они пришлись очень кстати: мы получили достаточное продовольствіе, а какъ, въ то же время, и погода поправилась, то люди отдохнули скоро. Въ каедральномъ костелѣ чиновники-поляки служили благодарственный молебенъ за освобожденіе Литвы. Священнодѣйствовало какое-то высокое духовное лицо, а послѣ обѣдни генералъ Груши, подъ руку съ польскою дамою, собиралъ милостыню на бѣдныхъ. Во время самой службы, разнеслась вѣсть, что кирасиры разграбили многія суконныя лавки. Нѣсколько адъютантовъ маршала Даву тотчасъ же вышли изъ костела, приняли начальство надъ патрулями и возстановили порядокъ. Виновные въ грабѣжъ были осуждены на смерть и на другой же день разстрѣляны.

Какъ я уже замѣтилъ, корпусъ Даву пробылъ въ Минскѣ нѣ-

(*) Авангардъ короля Вестфальскаго состоялъ изъ трехъ конныхъ польскихъ полковъ, подъ начальствомъ генерала Турно. Атаманъ Платовъ оставленъ былъ, съ 16 казачьими полками, впереди Мира (мѣстечко Гродненской губерніи) для прикрытія движенія арміи Багратіона изъ Слонима къ Минску и удержанія короля Іеронима, преслѣдовавшаго нашу вторую армію. 27-го іюня Турно, жарко преслѣдуя атакованную изъ передовую казачью сотню, попался въ устроенную ему Платовымъ засаду, былъ разбитъ, потерялъ 248 пѣшихъ и прогнанъ пятнадцать верстъ назадъ. На другой день, король Вестфальскій подкрѣпилъ Турно цѣлою кавалерійскою дивизіей Рожецкаго, но и этотъ попалъ въ засаду, былъ атакованъ во флангъ, съ фронта и въ тылъ, разбитъ и обращенъ въ бѣгство, оставивъ въ нашихъ рукахъ множество пѣшихъ.

сколько дней, съ одной стороны для того, чтобы ориентироваться относительно Багратионовой арміи, которую онъ долженъ былъ отрезать, а съ другой, для восстановления хоть какого-нибудь порядка. Еслибы русская армія атаковала французскій корпусъ въ самый день прихода его въ Минскъ, и даже спустя день, то я почти готовъ думать, что французы были бы разбиты. Конечно, при энергической личности Даву и его военной опытности, столкновение было бы весьма жаркое, но войска его, въ это время, были слишкомъ разбросаны, слишкомъ изнурены, чтобы рассчитывать на успѣхъ серьезнаго сраженія. Однако Багратионъ не думалъ тогда о форсированіи здѣсь французскихъ войскъ, какъ ни побуждали его къ тому повелѣнія императора Александра и какъ ни убѣдительно просилъ его Барклай о томъ, чтобы на этомъ пути совершить соединеніе обѣихъ русскихъ армій.

12-го былъ въ Минскѣ странный парадъ. Распущенность въ частяхъ, особенно въ нѣкоторыхъ новыхъ полкахъ, сформированныхъ изъ сѣверо-германскихъ войскъ, достигла до того, что, напримѣръ, отъ одного полка дивизіи Компана, если не ошибаюсь, силою въ четыре баталіона, вступили въ Минскъ лишь нѣсколько сотъ человѣкъ. Даву пришелъ въ неописанное бѣшенство, обратился къ офицерамъ съ громовою рѣчью, отнялъ у полковника командованіе полкомъ и приказалъ солдатамъ парадировать, мимо всей дивизіи, съ поднятыми вверхъ прикладами. Рассказывали, что суровый, даже жестокій маршалъ наговорилъ офицерамъ невѣроятныя вещи.

Мой полковой командиръ, полковникъ Хлузовичъ, человекъ весьма образованный, толкуя со мною объ этомъ случаѣ, замѣтилъ, что затѣянное дѣло кончится нехорошо. — «Вы увидите», сказалъ онъ, «что императоръ впадетъ въ ошибку Карла XII: онъ оставляетъ въ тылу своемъ неустроенную Польшу, разоренную Литву, и съ нами будетъ то же, что было со шведами.... Настоящая кампанія, проигранная или даже просто неудавшаяся, возбудитъ къ возстанію всю Германію, и тогда дѣла пойдутъ тамъ такъ же какъ въ Испаніи, только въ гораздо большихъ размѣрахъ. Короли, которыхъ Наполеонъ запрягъ въ свою триумфальную колесницу, сбросятъ съ себя ярмо, и ограбленные, разоренные народы отплатятъ кровавою местию. Я не поручусь, чтобы и наши ограбленные литвины не приняли ихъ сторону.... Наполеонъ ошибается гораздо больше тѣмъ, чего не дѣлаетъ, нежели тѣмъ, что дѣлаетъ».

Часть нашихъ войскъ, на маршѣ къ Минску, проходила чрезъ Радошковицы, гдѣ Карлъ XII прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ и гдѣ

собирался тотъ знаменитый военный совѣтъ, на которомъ былъ об-суждаемъ планъ короля. Многие польскіе офицеры, основательно изучившіе походъ Карла XII, знали, по семейнымъ преданіямъ, ма-лѣйшія его подробности, въ томъ числѣ и мой полковникъ, который имѣлъ даже при себѣ Адлерфельда и прілежно читалъ его (*). Не проходило почти дня, чтобы въ нашия кружкахъ не говорили о Карлѣ XII и не подостъивались надъ сочиненіемъ Вольтера. Всѣ тѣ литовскія штаба, которыя собрались нѣкогда вокругъ шведскаго ко-роля, и теперь имѣли своихъ представителей въ наполеоновской арміи. Радзивиллы, Завиши, Сапѣги, Тизенгаузы, Ходзьки, Тышкеви-чи, Осяѣрки, Одынцы, Борсани занимали, всё безъ исключенія, выс-шія или низшія должности въ этой арміи.

14-го выступили мы къ Смоленицамъ, по борисовской дорогѣ, и на другой день, послѣ утомительнаго марша въ пять миль (35 верстъ), почти сплошь чрезъ лѣса, прибыли въ Борисовъ. Здѣсь мы узнали, что три или четыре слабыхъ русскихъ баталіона, работав-шіе въ крѣпости, удалились незадолго предъ нами въ Могилевъ. Мы нашли полуоконченное предмостное укрѣпленіе, съ четырнадцатью чугунными орудіями. Русскіе, при постройкѣ своихъ казематовъ, руководствовались тою системою, которую рекомендуетъ маршалъ Саксонскій для такого рода построекъ, въ странахъ лѣсистыхъ.

(*) Густавъ Адлерфельдъ, камергеръ Карла XII, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, находился при королѣ безотлучно до самаго полтавскаго сраженія. Восхищенный первыми блистательными военными подвигами своего государя, онъ пожелалъ быть его историкомъ, и, воспользовавшись отданными въ его распоряженіе официальными документами главнаго штаба, равно и сообще-ніями шведскихъ генераловъ, составилъ весьма любопытный дневникъ всѣхъ военныхъ дѣйствій съ 1700 года до роковаго дня подъ Полтавою. Здѣсь Адлер-фельдъ былъ пораженъ пушечнымъ ядромъ вождя королевскихъ носилокъ. Швед-скій оригиналъ его рукописи былъ захваченъ русскими вмѣстѣ съ вещами принца Максимилиана Вюртембергскаго, котораго Карлъ поручилъ его надвору; но впослед-ствіи рукопись досталась сыну Адлерфельда, который привелъ ее въ порядокъ и надалъ, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Histoire militaire de Charles XII, roi de Suède, depuis l’an 1700 jusqu’à la bataille de Pultawa en 1709, écrite par ordre exprès de Sa Majesté par Mr. Gustave Adlerfeld, chambellan du Roi.“ Книга эта была видана въ 1740 году, въ Амстердамѣ, въ четырехъ томахъ, и къ ней приложена релация о полтавскомъ сраженіи, съ журналомъ отступленія короля въ Бендеры. Еще важнѣе нѣмецкій переводъ въ трехъ томахъ, напечатанный въ томъ же году, съ дополненіями и примѣчаніями и съ планами всѣхъ замѣчатель-ныхъ сраженій въ Давіи, Польшѣ и Россіи. Заглавіе его слѣдующее: „Leben Carl’s des Zwölften, König’s von Schweden. Auf dessen Befehl beschrieben von Hrn. Gustav von Adlerfeld, Königlichem Kammerherrn“. Разсказъ Адлерфельда простъ, но силе нъ и живописенъ, какъ повѣствованіе очевидца, и для первыхъ девяти лѣтъ сѣверной войны это, безспорно, одинъ изъ самыхъ капитальныхъ мате-риаловъ.

Погбиенія были, дѣйствительно, весьма сухія, но жили то неудобство — слѣдствіе небрежной постройки — что въ щели между бревнами наносился песокъ, и потому жить въ подобныхъ казематахъ было непріятно. Самыя укрѣпленія были заложены дурно и, по причинѣ находившихся вблизи горъ и лѣсовъ, принимавшихъ вѣствовать имъ, оказывались совершенно несостоятельными. Они лежали не впереди моста, но въ сторону отъ него; тамъ, гдѣ была проектирована переправа. Это обстоятельство много повредило намъ впоследствии. Березина одна изъ тѣхъ луговыхъ рѣкъ, которыя, при тайнѣ снѣговъ или при сильномъ и продолжительномъ дождѣ, выступаютъ изъ береговъ и на далекое пространство затопляютъ низменные части рѣчной долины. Послѣ спаденія воды, образуются повсюду лагуны (пласы), невысыхающія до слѣдующаго разлива. Весь правый берегъ рѣки былъ покрытъ, на сколько видѣлъ глазъ, большими и малыми лагунами, наполненными невѣроятно-многочисленными стаями гусей, которыхъ немедленно атаковала кавалерія Груши. Даже дорога къ городу шла по широкимъ лагунамъ, такъ что переправа черезъ нихъ, въ соединеніи съ борисовскою, образовывала цѣлую систему мостовъ. Всѣ эти мосты сохранились хорошо. А еслибы они были разрушены, то восстановление ихъ представляло бы величайшія трудности.

Борисовъ лежитъ на лѣвомъ возвышенномъ берегу Березины и совершенно господствуетъ надъ луговою долиною. Какъ извѣстно, Карлъ XII пытался переправиться здѣсь, но затрудненія, съ которыми была соединена переправа, равно и расположенныя на другомъ берегу русскія войска, дѣлали успѣхъ ея весьма сомнительнымъ. По этой причинѣ, шведскій король поднялся вверхъ по рѣкѣ до Студянки, впоследствии имѣвшей для насъ столь многозначительное значеніе, навелъ мостъ тремя милями выше Борисова и здѣсь форсировалъ переправу (13-го—25-го іюня 1708), тогда какъ у самаго Борисова произвелъ только демонстрацію.

19-го числа, чрезъ Нѣмоницу и Вобрь, пришли мы въ Толочина. На послѣдній переходъ, всего не болѣе тринадцати верстъ, мы употребили девять часовъ, потому что часто останавливались: сженинуто видѣли, или думали видѣть, казаковъ (*). Отъ Толочина, бывшаго послѣ перваго раздѣла Польши пограничнымъ городомъ, обработка полей стала появляться несравненно болѣе тщательною; во всемъ была видна направляющая рука; пути сообщенія

(*). Какъ видно, наши донцы причиняли наполеоновской арміи немалое безпокойство. Въ разсказѣ Брандта безпрестанно встрѣчаются доказательства тому.

также были лучше, такъ какъ отсюда начиналась большая смоленская дорога, широкая и хорошо содержимая, обсаженная по обѣимъ сторонамъ двумя рядами тѣнистыхъ березъ. На известныхъ мѣстахъ попадались высокіе каменные столбы, показывавшіе разстояніе отъ Смоленска, Москвы и ближайшаго губернскаго города.

Положеніе Толочина очень сильно, и я думаю, что, при оборонѣ его даже малыми средствами, нельзя было бы овладѣть имъ безъ чувствительныхъ потерь. Наша кавалерія заняла его безъ выстрѣла.

По приходѣ 20-го числа къ Коханову, мы расположились лагеремъ на оршинской дорогѣ, но наблюдали также и дорогу въ Сѣнно. Груши, съ своею кавалеріей, направился, чрезъ Бабиновичи, къ главной арміи, въ Витебскъ. Аванпосты наши были выставлены весьма тщательно; носились слухи о близости русскихъ. Дѣйствительно, казаки показывались въ нашемъ виду, и потому ночью высланы были многія команды для осмотра мѣстности. Здѣсь и тамъ раздавались выстрѣлы, которыми, какъ мы узнали потомъ, наши обмѣнивались съ легкими отрядами Барклая де-Толли, старавшимся войти въ связь съ Багратиономъ. Къ сожалѣнію, и слѣдующій день простояли мы въ той же позиціи, ожидая результатовъ экспедиціи Кольбера, посланнаго въ Оршу. Онъ овладѣлъ здѣсь переправою черезъ Днѣпръ, захватилъ довольно большіе магазины и продовольственные запасы, но потомъ принужденъ былъ оставить городъ.

Отъ Коханова насъ двинули на югъ, къ Староселью, гдѣ мы узнали о жаркомъ дѣлѣ, происходившемъ между русскими и французскими войсками Багратиона и Даву, подъ Могилевомъ. 24-го (12-го) мы сами прослѣдовали чрезъ этотъ городъ; обширные магазины котораго не успѣлъ уничтожить губернаторъ, графъ Толстой, остававшійся въ Могилевѣ до послѣдней минуты. Устроившись кое-какъ въ лагерѣ, мы поспѣшили на поле сраженія предшествовавшаго дня. Позиція, выбранная опытнымъ французскимъ маршаломъ, была, въ самомъ дѣлѣ, выбрана превосходно. Умѣнью Даву воспользоваться ею, а еще болѣе отлично-хорошему размѣщенію войскъ и храбрости ихъ, онъ обязанъ былъ побѣдою. Лѣтъ тридцать спустя, я разговаривалъ объ этомъ сраженіи съ генераломъ Ашаромъ, который командовалъ тогда 108-мъ полкомъ и существенно содѣйствовалъ рѣшенію боя. Онъ и тогда съ восторгомъ отзывался о распоряженіяхъ маршала и о мужествѣ солдатъ. Поле было покрыто убитыми съ обѣихъ сторонъ; трупы русскихъ, какъ почти на всѣхъ поляхъ сраженія, были раздѣты до-нага французами. Намъ показывали домъ, въ которомъ едва не погибъ Даву. Онъ наблюдалъ изъ

маленькаго окошка за непріятель, какъ вдругъ ядро раздробило балку и самый большой осколокъ ей почти коснулся маршала. Офицеры, участвовавшіе въ сраженіи, утверждали съ увѣренностію, что русскіе были герцога сильнѣе, и что, обойдя правый французскій флангъ, они поставили бы армію въ критическое положеніе. Этого опасались ежеминутно. Самъ маршалъ и другіе генералы вообще полагали, что русскіе воспользуются именно такъ своимъ численнымъ перевѣсомъ.

Даву, дѣйствительно, слишкомъ разбросалъ свои силы, и, навѣрное, не въ состояніи былъ бы выдержать хорошо направленную атаку противника. Но очень вѣроятно, что русскій главнокомандующій помышлялъ только о томъ, чтобы имѣть Днѣпръ между собою и непріятель, и, такимъ образомъ, безпрепятственно продолжать свое движеніе къ Смоленску, куда призывали его самыя настоятельныя приказанія. Если бы Багратионъ, послѣ превосходно-удавшагося нападенія подъ старымъ Быховымъ, пошелъ тотчасъ же на Могилевъ, то я не знаю, что стало бы съ Даву. Преувеличенное донесеніе генерала Паскевича, командовавшаго лѣвымъ флангомъ русскихъ и полагавшаго видѣть противъ себя 20,000 человекъ, равно и мнѣніе самого Багратиона о большихъ силахъ противника, наконецъ опасеніе, что армія короля Иеронима подоспѣетъ во время его предпріятія и атакуетъ его съ тыла—все это вмѣстѣ могло быть причиною нерѣшительности русскихъ.

Хотя въ дѣлахъ при Мирѣ и Романовѣ атаки поляковъ были рѣшительно отбиты, но русскіе, конечно, сообразили, что употребленіе многочисленной и храброй польской кавалеріи — у одного Латуръ-Мобура было 17 кавалерійскихъ полковъ и 27 легкихъ орудій—могло быть имъ опасно, и потому предпочли вѣрное невѣрному. Названныя дѣла принадлежать къ прекраснѣйшимъ, когда либо исполненнымъ конницею. Первый польскій конно-егерскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Пржебендовскаго, сражавшійся подъ Романовомъ съ русскимъ авангардомъ и потерявшій половину людей, сдѣлалъ болѣе, нежели англичане подъ Балаклавой. Окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ пробился, послѣдовательно, чрезъ девять непріятельскихъ линій, и примкнулъ къ главнымъ силамъ, откуда, на помощь ему, не выслали даже ни одного эскадрона. Люди состояли, болшею частію, изъ сыновей нѣмецкихъ колонистовъ, водворенныхъ между Вартою и Нецою; офицеры были всѣ поляки.

Движеніе наше къ Шклову, куда мы пришли 16-го (28-го) числа, отличалось какою-то боязливостію; ежеминутно приѣзжали

адъютанты; остановки были частыя. Мы шли будто на сраженіе. У Шидова выставили аванпосты; натружившись всю ночь и остановившись въ такомъ положеніи до вечера слѣдующаго дня, когда выступили къ Оршѣ. Здѣсь мы нашли весь корпусъ Даву въ сборѣ. По причинѣ необыкновенно сильнаго вѣтра, сваливашаго нѣскольکو разъ пирамиды ружей, вѣрно было втыкать ружья штыками въ землю, что, конечно, не могло содѣйствовать имъ сбереженію. Генераль Хлопицкій, раздраженный такимъ неряшествомъ, приказавъ просто положить ружья на землю и строго запретить подражать французамъ. Французскіе же генералы были снисходительнѣе, увѣряя, что такъ дѣлалось у нихъ въ большой арміи, въ Германіи.

Выступивъ изъ-подъ Орши, мы оставили Днѣпръ вправо. Маршалъ Даву безпрестанно разѣзжалъ, въ легкой коляскѣ, вездѣ и впередъ, выходилъ изъ экипажа, озирался во все стороны, а у одной одинокой избы влѣвъ даже на чердакъ и оттуда долго смотрѣлъ въ подворную трубу. Говорили о близости русскихъ; на полянахъ, вдали, дѣйствительно показывались казаки, иногда слышались и выстрѣлы; но точныхъ извѣстій не имѣли нигдѣ, даже въ дивизионномъ штабѣ. 1-го августа вдругъ повернули насъ назадъ, къ той деревнѣ, у которой мы стояли наканунѣ лагеремъ. Разнеслись слухи, что Платовъ находится въ самомъ ближайшемъ разстояніи, что видѣли даже колонны арміи Багратиона: этого было достаточно, чтобы усугубить бдительность Даву, такъ какъ онъ не зналъ ничего вѣрнаго. Черезъ польскихъ офицеровъ, посланныхъ курьерами, мы узнали только о движеніи императора къ Витебску, о дѣлахъ при Островнѣ, о сраженіи здѣсь происходившемъ, о неудачахъ подъ Друей генерала Сентъ-Жени, о наступленіи Удино къ Динабургу. И на другой день, во время необыкновенно медленнаго марша, при палящемъ зноѣ, маршалъ постоянно разѣзжалъ то верхомъ, то въ коляскѣ, и пользовался всякимъ господствующимъ пунктомъ, откуда открывался видъ на далекое пространство. Фланкеры наши шѣди, кажется, схватку съ непріятелемъ; выстрѣловъ, правда, не было слышно, но видны были дымъ и непріятельскія войска. Черезъ Днѣпръ мы перешли по понтонному мосту. Французы, такъ много слышавшіе о Борисенѣ, немало удивились столь неширокой здѣсь рѣкѣ. «Cela ne vaut pas la peine de l'avoir passé» (не стоило труда переходить), говорили солдаты, сражавшіеся на Дунаѣ и видѣвшіе Тахо. «Il est comme la Russie: vue de loin, c'est quelque chose; ce n'est rien touché de près» (Онъ то же, что и Россія: издали кажется чѣмъ-

то, а вблизи—ничего!), торговали солдаты, переходя чрезъ рѣку, которую напоишишь изъ нѣкъ вышло на дно увидѣть вновь (*).

Въ Дубровнѣ мы узнали, что Платовъ уже прешель здѣсь со своими казаками, что часть нѣкъ стоитъ мохадитѣ, и что Багратионова армія, за которую мы гнались почти соролъ дней, благополучно достигла Смоленска. Планаъ Наполеона обрушиться на обѣ раздѣленные русскія арміи и истребить хотя одну изъ нѣкъ—не удался, благодаря ошибкѣ Іеренина. Если бы дѣйствія короля Вестфальскаго были обдуманнѣе и настойчивѣе, то весьма вѣроятно, что Багратионъ былъ бы стѣсненъ дальше къ югу и, ставъша мочеть, не избѣгъ бы неприятнымъ послѣдствіямъ.

Двигаясь, собравшимся вокругъ Дубровны, было объявлено, что здѣсь будетъ довольно продолжительная стоянка, и чтобы онѣ приступили къ постройкѣ правильнаго лагеря. Спусти два дня, имѣя подъ рукою солому и гѣвъ, у насъ явилася превосходный лагерь изъ барановъ, въ которыхъ мы помѣщались удобнѣе, нежели въ крестьянскихъ избахъ. Введено было регулярное продовольствіе и войска получили жалованье за два мѣсяца. Грабежи и хищничество запрещено строжайше, и нѣкоторые французскіе солдаты расстрѣляны на мѣстѣ преступленія. По приказанію маршала, сформированы рабочія команды изъ пехарова, кѣббонковъ, мясниковъ, къ которымъ приисланы русскіе плѣнники и дезертеры, оказавшихъ намъ весьма полезныя услуги. Въ Дубровнѣ и въ окрестныхъ деревняхъ устроены хлѣбопечари, гдѣ гнали также и смарть. Войска носили, жали, молотили и солоди рожь. У французовъ были ручныя мельницы, посредствомъ которыхъ шесть или восемь чело-вѣкъ смалывали, говорятъ, въ день до двухъ сотъ шестидесяти порцій. Наша часть не получала подобныхъ мельницъ. Въ лагерь были собраны значительныя запасы фуража. Изю дня въ день онѣ принималъ болѣе и болѣе красивый видъ; въ баракахъ появились стулья и скамейки; плащъ-дариъ былъ обсаженъ бересалами, которые хотя и засыхали скоро, но тотчасъ же замѣнялись новыми. Все это требовало немалыхъ трудовъ; но принято было за правило постоянно занимать гѣвъ—нибудь оодать. На Дибрѣ замощили геть-де-понъ, вполнѣ небольшой и слабыхъ профилей. Однако казаки нерѣдко прерывали наши занятія, нападая на деревни, въ которыхъ были собраны рабочіе; только карано-организованная служба и ружейный

(*) А гъ, которые удѣляли, конечно удостовѣрились, что Россія значить ко-что и вблизи, и что нѣкъ самозронецво было напавано больно.

огонь держали ихъ въ почтительномъ отдаленіи. Больше всѣхъ потерпѣла португальская кавалерія, отправлявшая аванпостную службу.

Въ Дубровну прибыли многіе маршевые баталіоны, сформированные изъ отсталыхъ и мародеровъ. Офицеры рассказывали о неслыханныхъ безпорядкахъ въ тылу арміи; они увѣряли, что тамъ шатались цѣлыя тысячи подобныхъ *traineurs de sabre*, и что генералы Гагендорфъ и Брониковскій, въ Вильнѣ и Минскѣ, выслылали противъ нихъ формальныя подвижныя колонны, съ приказаніемъ ловить и обуздывать эту сволочь. Но колонны нигдѣ не встрѣчали «*cette canaille*». По слухамъ, отсталые и мародеры бивуакировали многими сотнями въ лѣсахъ и отсюда предпринимали настоящіе грабительскіе набѣги. Такіе слухи подтверждались единогласнымъ показаніемъ офицеровъ, командированныхъ въ маршевые баталіоны почти отъ всѣхъ частей.

Стараніемъ и строгости маршала Даву относительно правильнаго продовольствія надобно приписать то, что мы не нуждались ни въ чемъ, и что въ поляхъ, при выступленіи, имѣли четырнадцатидневный раціонъ хлѣбомъ, кашею, мукою, мясомъ и водкою. Маршалъ неожиданно присылалъ офицеровъ для осмотра запасовъ; въ ежедневныхъ рапортахъ показывалось, сколько въ послѣднія сутки было съжато, вымолочено, сколото и испечено хлѣба, сколько выгнано спирту и сколько вообще поступило продовольственныхъ припасовъ. Пятидневное продовольствіе имѣли мы, при выступленіи, на ранцахъ, девятидневное на телѣгахъ, находившихся подъ весьма строгимъ контролемъ. Я полагаю, что бдительность Даву, въ этомъ отношеніи, можетъ быть рекомендована за образецъ. Правда, и обстоятельства благоприятствовали: необозримыя поля съ превосходящимъ хлѣбомъ, отличнѣйшая погода, много рукъ и сила воли, не особенно крайняя необходимость. На сколько подобный образъ продовольствія заслуживаетъ похвалы—это другой вопросъ. Уже въ ближайшіе затѣмъ дни мы убѣдились, что всѣ наши мѣры предосторожности пошли пракомъ, и что обстоятельства были сильнѣе ихъ.

Въ нашемъ лагерѣ часто происходили военно-политическія бестыды. Особенно поступки генерала Бланареда служили предметомъ безпощадной критики. Его упрекали въ надменности, въ несообщительности съ офицерами. Многіе утверждали даже, впрочемъ едва ли справедливо, будто генералъ вслѣдствіи старался погубить польскія войска, чтобы только избавиться отъ нихъ, и въ доказательство указывали на наши марши отъ Вильны. Прицали изнурительныя ночныя марши, дурной выборъ бивуаковъ, самый порядокъ нѣкоторыхъ маршей.

Рассуждали, въ то же время, и вообще о предпринятой войнѣ, о распущенности арміи, и предрекали самыя зловѣщія послѣдствія, если не будутъ возстановлены дисциплина и порядокъ. Вѣсти изъ лагеря подъ Витебскомъ, темные слухи, которыми вѣрили, все это повергало насъ въ мрачное настроеніе. Польскіе офицеры строго комментировали отвѣты Наполеона на адресъ, поданный ему варшавскою депутаціей въ Вильнѣ, и только теперь сдѣлавшіеся намъ известными во всей подробности. Удивлялись, почему императоръ упомянулъ о возбужденіи возстанія въ губерніи Могилевской, въ Украинѣ и въ Подоліи, а боялся высказать слово о возстановленіи Польши. Загадочными и уклончивыми показались его заключительныя слова: «*Je récompenserais ce dévouement de vos contrées, qui vous rend si intéressant et vous acquiert tant de titres à mon estime et à ma protection par tout ce qui pourra dépendre de moi dans les circonstances*». («Я вознагражу ту преданность вашихъ странъ, которую вы заслуживаете столько участія въ себѣ и которая даетъ вамъ столько правъ на мое уваженіе и на поддержаніе васъ всеѣмъ, что можетъ зависѣть отъ меня при настоящихъ обстоятельствахъ»). Изъ этихъ словъ заключали, что Наполеонъ, быть можетъ, намѣренъ основать здѣсь большую дотацію для одного изъ своихъ генераловъ. Позднѣйшими постановленіями все объяснилось (*).

Съ прибытіемъ нашимъ въ Дубровну, мы завоевали губерніи Бурляндскую, Виленскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую, Могилев-

(* Авторъ приводитъ здѣсь слѣдующую подстрочную выдержку изъ „*Souvenirs contemporains*“ Вильмена (I, 165), заключающую въ себѣ отзывъ Наполеона о полякахъ и о Польшѣ: „Я люблю поляковъ на боевыхъ поляхъ; они народъ храбрый; но что касается ихъ совѣщательныхъ собраній, ихъ *liberum veto* (не позволяю), ихъ сеймовъ на конѣ, съ обнаженною саблею—ничего подобнаго я не хочу. Довольно на нашемъ континентѣ и безпутныхъ кадикискихъ cortesовъ. Не ошибайтесь: возстановленіе полуреспубликанской Польши было бы совсѣмъ другого рода нескончаемымъ затрудненіемъ. Она могла еще маячить кое-какъ (*vivoter*), безъ особенно большаго вреда, при прежней формѣ правленія; но теперь она должна была бы погнѣть сосѣдніе дома, чтобы обезопасить себя. Она имѣла бы силу только для сатанинской пропаганды (*propagande diabolique*). Я хорошо обдумалъ это; въ Польшѣ я хочу имѣть боевой станъ, а не оружіе. Впрочемъ, въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ мы будемъ имѣть подобіе сейма (*un bout de diète*)—до не болѣе (*mais rien au de là*). Не мнѣ возстановить республиканскій очагъ въ Европѣ, у двадцатимиліонной націи, войнолюбивой, неизмѣющей промышленности, у націи, которая граничитъ съ Богеміей, съ землею гуситовъ и таборитовъ, и способна поддаться мистическому или демоagogическому снатианью, вовсе для насъ непригодному. Нѣтъ, любезный Нарбоннъ, я хочу Польшу только въ видѣ дисциплинированной силы, для обстановки поля сраженія (*pour meubler un champ de bataille*).“ Стало быть, всѣ триумфальныя арміи, сооруженныя въ честь „освободителя Польши“, всѣ иллюминаціи, всѣ адресы, всѣ чествованія „героя непобѣдимаго“, пошлая прахомъ....

скую и даже часть Смоленской. Это было результатъ сорокадневной кампаніи, марша въ 80—100 миль. Хотя до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ и бывали жаркія дѣла, однако общее мнѣніе говорило, что это только прелюдія; всѣ ощущали неопредѣленную тревогу, поддавались чувству неувѣренности въ успѣхѣ, видѣли себя наканунѣ великихъ событій. «Все будетъ идти ладно, пока тепло», говорили нѣкоторые; «но—прибавляли болѣе предусмотрительные—русскій ведетъ войну только тогда, когда самъ Богъ построитъ ему мосты, когда рѣки и болота покроются льдомъ. Что же будетъ тогда съ арміей, удаленной на сотни миль отъ своего базиса, въ странѣ скудно-населенной, ограбленной нашими мародерами и претягъ насъ возбужденной?» Молодые же офицеры были преисполнены наивѣрными надеждами: они вѣрно вѣровали въ звѣзду императора, и я думаю, если бы онъ потребовалъ атаковать луну, молодежь отвѣчала бы: «матсчона!» Молодые воины мечтали лишь о сраженіяхъ и побѣдахъ. Они опасались только, что русскіе заключатъ миръ и тѣмъ не допустятъ ихъ покрыть себя славой. Офицеры постарше называли такихъ молодыхъ своихъ товарищей «бѣснующимися» (engagés).

(Продолженіе будетъ.)